

Олег Быстров

Побег в Зазеркалье

Повесть

16+

Олег Быстров

Побег в Зазеркалье

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Быстров О. П.

Побег в Зазеркалье / О. П. Быстров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Другие земли, иные народы, своя история, обычаи и традиции. Но под любыми небесами ценятся дружба и верность, великодушие и мужество, протянутая рука помощи и стремление идти к цели, не взирая на трудности. Хотя платой за упорство может оказаться сама жизнь...И под любыми небесами преследуют человека три его злейших врага, три составляющих, из которых потом произрастают все беды - глупость, жадность и предательство. А если вдруг история далёкого мира неожиданно пересечётся с историей нашей, земной? И пересечение это окажется опасным? Как быть тогда героям?..

© Быстров О. П., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая. Возвращение	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Быстров

Побег в Зазеркалье

Часть первая. Возвращение

Глава 1

Вагон покачивался, колёса на стыках мерно тянули свою извечную мелодию – тук-тук, тук-тук. Под потолком неярко светил масляный фонарь. Железнодорожники на прогоне Дубостан – Идиллия экономили на электричестве: пассажирский вагон всего один, остальные товарные. За окном чернела непроглядная темень, на станцию назначения состав прибудет рано утром.

Антон специально выбрал этот ночной поезд. Не хотел толкаться днём на вокзале Дубостана, мозолить глаза линейным жандармам. И в вагоне надеялся избежать докучливых разговоров случайных попутчиков, длинных рассказов о жите-бытие под стакан местной самогонки. Лелеял надежду вздремнуть несколько часов.

Всё тшечно. Из шести купе два оказались попросту заперты. «Спецобслуживание», – буркнул проводник. Какое, к чёрту, «спец» в три часа ночи? Ясно, везёт какой-то груз, хочет толкнуть в Идиллии. И ведь не поспоришь...

А в остальных сидели.

В первом громко спорили фермеры, занявшие все лавки. Судя по отсутствию громоздких баулов и объёмистых мешков, крестьяне ездили в Дубостан не за покупками и не торговать. Скорее всего, решали в земельном ведомстве свои насущные вопросы. Наверняка это же и обсуждали сейчас, гомоня и перебивая друг друга. Там ни места, ни покоя не найти.

Во втором пристроилась пожилая пара: мужчина пытался читать газету при неверном свете фонаря, женщина клевала носом. Стоит подсесть, и благообразный господин тут же начнёт бесконечную нудную беседу о ценах, политике губернатора, а то, не дай Святой Николай, примется рассказывать о собственном небольшом, но прибыльном предприятии. Тоска...

Третье забила компания работяг. Как пить дать, едут наниматься на кирпичный завод или копачами в карьер. Спокойные, рассудительные мужики с крепкими, загрубевшими руками. Интересно, что это их потянуло в такую глушь? Неужели в Дубостане не нашли себе дела? Такое чувство, что бросили обжитые места и сорвались в погоне за... – чем? Деньгами? Так никогда ещё ни завод, ни карьер не считались золотым дном.

К ним можно было бы пристроиться, с лишними вопросами лезть не будут, но, как назло, рабочие плотно заняли все места. Не втиснешься. Оставалось последнее купе, там сидели трое. В двоих Антон без труда угадал обитателей Задворок: коренастые, загорелые, с косматыми бородами и нечёсаными гривами волос. В очень распространённой здесь одежде: короткие куртки из грубой кожи с множеством карманов и застёжек, широкие штаны, заправленные в высокие ботинки на толстой подошве, какие обычно носят копачи из карьера. И без багажа – те ещё субчики.

Да и рожи у мужиков совершенно разбойничьи. Вроде похихатывают, подшучивают, легко знакомятся с пассажирами и переходят на весёлый, дорожный трёп. Но вдруг полоснёт недобрый взгляд из-под косматой брови, скользнёт кривоватая усмешка – и будто коснулся ты чего-то мерзкого и опасного. словно полез под лавку за родным своим сидором с бутылкой самогона, – крепкого, для себя деланного, – да добрым куском вяленого мяса, а ухватил холодное, извивающееся гадючье тело...

Третий, немолодой мужчина в чёрном мундире с нашивками горного инженера в петлицах, явно чувствовал себя рядом с ними не в своей тарелке. Старался держаться независимо, чинно, с некоторой даже строгостью, но получалось у него это плохо. Через маску человека,

занимающего достойное положение в обществе, проглядывала растерянность и страх, внушаемый попутчиками.

Пришлось пристроиться четвёртым. Внешне Антон походил на первых двух из купе, и в то же время разительно от них отличался. Одет он был почти в такую же куртку, только армейскую, не новую, но крепкую, со споротыми нашивками и поблёкшими, едва различимыми эмблемами. Свободные, из плотной ткани штаны, и армейские ботинки с высокой шнуровкой. Но вот в остальном...

Лицо чуть удлинённое, с правильными чертами, чисто выбритое. Прямые, жёсткие как проволока волосы под армейской кепи острижены под «ёжик». Кожа необычного оливкового оттенка, и будто чуть-чуть шероховатая, с редкими, едва заметными оспинками. Всё это говорило о примеси сунгской крови. Но и чистокровным сунгом Антон не был – волосы не тёмные, а рыжеватые, глаза светлые, а прямой нос и упрямый подбородок, характерный для дарийцев, выдавали в нём полукровку. В правом ухе тускло отсвечивала бронзовая серьга в виде распластавшегося в прыжке гепарда.

Забросив худенький вещмешок на багажную полку, он пристроился с краю, с наслаждением вытянул ноги и откинулся на спинку сидения. На вид молчаливому пассажиру можно было дать около тридцати лет, возможно, чуть меньше. Шрам, пересекающий правую скулу, и спокойный, даже как бы слегка отрешённый взгляд, не позволяли с точностью определить возраст. Ясно было одно – сколько ни стукнуло этому парню, повидать успел он немало.

Местные представились Спичем и Кентом, и лишь тронулся состав, достали бутылку мутноватого крепкого местного самогона, прозванного «болтаной». Человека, непривычного к этому огненному напитку и принявшего пару стаканов, изрядно шатало при ходьбе. Отсюда и название. Да и язык напитков развязывал неплохо, может быть, ещё и поэтому.

– Предлагаю, ребята, опрокинуть по маленькой за знакомство, – веселился Спич. – Дорога длинная, чтобы ни скрасить?!

Кент шумно поддержал товарища. Инженер, назвавшийся господином Реусом, принялся торопливо доставать продукты, какие обычно берут в дорогу на рынке: отварная курятина, яйца, ветчина, зелень. Раскладывая закуску, он, очевидно, надеялся расположить к себе лихих попутчиков.

Кент шустро разлил по первой, и тут же, без паузы, по второй. Собутельники не стеснялись, со вкусом перемалывали челюстями харчи горняка, не забывая наполнять стопки. Инженер, похоже, захмелел уже после первой, но старался не отставать от крутых парней. Антон выпил стопку, закусив пучком зелени, но от второй отказался. Пристроил под голову куртку и прикрыл глаза. Он возвращался в родные края после долгой отлучки. Убаюкивал колёсный перестук, голоса отдалялись. Накатывала лёгкая дрема...

– Рыночники совсем обнаглели! – выкрикнул Лас Кривой, и ватага одобрительно загудела. – Вчера припёрлись кодлой на нашу территорию, приставали к девчонкам. Рик Носатый попробовал заступиться – получил в лоб. Да и то, что он один мог сделать? А сегодня утром у Козявки перевернули лоток, весь товар попортили!..

Многие мальчишки в Идиллии начинали зарабатывать сызмальства. Козявка, восьмилетний шкет, торговал с лотка пирожками, что пекла его бабка. Обидеть такого – себя не уважать! А уж спустить подобное обидчикам – тем более. Мальчишки Идиллии с малых лет привыкали защищать свой район, свою территорию. По всему городу, исключая разве что Задворки и Площадь, шла необъявленная война подростковых ватаг.

Кривой верховодил мальчишками на Бараках, где жили рабочие кирпичного завода и копачи с карьера. Район состоял из двухэтажных бревенчатых срубов, длинных и мрачных, поставленных плотно друг к дружке. Между ними – некое подобие загаженных улиц, неширокие проходы с мусорными кучами и сточными канавами. Внутри барачных клетушки на одну-

две комнаты, тесные и тёмные. Летом душные, зимой холодные. И всегда сырые. Магазинов и лавок здесь не было вовсе, за жратвой и одежкой бегали на Рынок.

Бараки растянулись от кирпичного завода до Площади, самого благополучного места в городе. Внушительные здания Муниципалитета и Жандармерии, дорогие по здешним меркам магазины и самый шикарный в городе ресторан «Хрустальный звон» – это всё Площадь. Слегка наособицу, как бы порицая всю эту роскошь, тянул шпиль к небу храм Николаса Первохода, почитаемого в Идиллии главным святым. Утром и вечером усердно мели брусчатку Площади дворники, присматривали за порядком постовые, усаые и строгие – не забалуешь.

Далее расположились Мастерские, где рукастые мужики чинили всё, что необходимо в хозяйстве, и что способно со временем изнашиваться и ломаться – от телеги до кастрюли. Небольшие столярные и слесарные цеха, кузни, крохотные артели по изготовлению и ремонту всякой всячины. Бочары, скобари и лудильщики. Будки сапожников и пошивочные ателье. Умельцы никогда без куска хлеба не сидели, но и открыть здесь своё дело было непросто. Требовалось разрешение старшины.

Помимо Мастерских к Площади с одного края примыкал пустырь, протянувшийся к карьере, где добывали глину для кирпича. А с другого – Рынок, куда фермеры привозили продукты, и который кормил большую часть горожан. Здесь следила за порядком группа вышибал с управляющим во главе. Крепкие ребята собирали мзду за торговые места и устанавливали цены на продукты. Нередко скупали у фермеров товар в полцены, а потом через своих людей, которым платили небольшие деньги, продавали мясо и овощи в торговых рядах. Большая часть выручки шла, понятно, им самим. Тех, кто не хотел следовать правилам, убеждали в справедливости мироустройства при помощи ножей и дубинок.

И наконец, от Мастерских до Чёрной рощи тянулись Задворки – опасные трущобы, городское дно с притонами, подпольными игорными домами – катранами – и весёлыми «общажками» с дешёвыми проститутками. Здесь легко могли зарезать за пару монет или приложить чем-нибудь тяжёлым по голове за поношенную куртку. На Задворках никто не работал, зато любой мог взяться сбыть краденое. Имея с того свой процент, понятно. Здесь прятались от жандармов мошенники и воры, шулера и налётчики. Жулики всех мастей и дерзай с руками по локоть в крови.

То был мир взрослых. Но был ещё и мир подростков. Барачники, мастеровые, рыночники – стаи малолетних оборванцев ревниво охраняли свои районы от чужаков. Площадь, с её грозными символами власти и наличием постовых, считалась территорией нейтральной. В переулках Задворок малолетние почти не встречались, там правили свои законы. А в остальном...

Впрочем, в дневное время перемещаться по городу можно было свободно. Сбегать на рынок за продуктами, забрать в Мастерских починенную утварь для матери, другие какие нужды заставляли мальчишек пересекать заповедные границы – это всё не считалось. На воскресную службу в храм шли волчата из враждующих ватаг бок о бок – святое дело. Но вот вечером гулять по чужой земле в одиночку категорически не рекомендовалось. Если ты такой смельчак, что сунулся с закатом солнца в соседний район, то получи за это хорошенько по тышке. Сам дурак. Не знаешь правил, спроси у тех, кто в курсе.

Но в этот раз случилось совсем другое – рыночники откровенно наехали на барачников. Притом сделали это нагло, днём, наплевав на неписанные законы уличного братства и с явной целью нарваться. Вот и гудела ватага, выкрикивал с надрывом призывы к бою Лас Кривой. Был он пацаном дерзким, смелым, от драки никогда не увиливал и бился жёстко, порой даже жестоко. В одной из уличных потасовок он потерял глаз, что ещё больше укрепляло авторитет...

Воспоминания прервались, кто-то тряс его за плечо.

– Э, паря, в картишки переброситься не желаешь? – предложил Кент. – Ехать-то ещё долго, а так время скоротаем.

Антон чуть приподнял веки. Инженер был уже на хорошем взводе, но хорохорился. Вскидывал голову как молодой петушок, выстраивал на лице значительную мину – все признаки приличного опьянения, когда с ног человек ещё не валится, но и соображает уже с трудом. О Кенте со Спичем этого сказать было нельзя. Выглядели они на удивление трезво: Кент тасовал колоду потрёпанных карт, Спич хищно скалился из угла.

– Давай, контрактник, присоединяйся, – не отставал Кент.

Они приняли его за наёмника, понял Ант. Ну да: потрёпанная военная форма, серьга в ухе. В кармане плата за риск, кровью заработанные деньги. И кстати, всё почти так и обстоит. Кроме денег. А вот горняк, похоже, едет к месту нового назначения. Наверняка получил неплохие подъёмные. Ситуация стала понятной до скучного.

– Не, ребята, – вяло отказался Антон, – устал. Подремать хочу. Вы уж как-нибудь без меня...

– Боишься? – зло зыркнул из угла Спич. – Не трусь, салага, больше денег не проиграешь!

– Ага, боюсь, – спокойно ответил «гепард». – Да и спать охота.

И вновь прикрыл глаза.

Он ещё слышал, как бурчат братья-разбойники: мол, ну и чёрт с ним, мы и на троих раскидаем. Как поддакивает инженер, приговорённый на заклятие, но стук колёс и мерное покачивание вагона смежали веки. Да и какое ему, в сущности, дело до этого горняка. Хочет отдать этим ухарям деньги, пусть отдаёт. Не дитя малое, видит, с кем пил, а теперь сел играть. Однако подремать основательно Антону так и не дали. Едва коснувшись усталого сознания, сон испугано упорхнул от визга всё того же мастера горного дела.

– Я вас умоляю, господа! – в голосе инженера отчётливо звучали истерические нотки. – Один! Один только кон в долг! Я знаю... чувствую – мне сейчас повезёт!

– Хо! Нет, дружище, – снисходительно хохотнул Кент. – В долг мы не играем. Если что ценное есть – портсигар или часы – покажи. Может и согласимся.

– У меня простенькие часы, – чуть не плача, пролепетал горняк и достал дешёвую луковичу на латунной цепочке. – Вот.

– Да, за такие и пятерки жалко, – презрительно усмехнулся Спич. – Может, ещё чего есть?

Антон наблюдал через полуприкрытые веки сцену унижения незадачливого пассажира. Ворох радужных ассигнаций перекачивал с кона к братьям-разбойничкам, судя по всему, все сбережения горняка. Сам инженер лихорадочно шарил по карманам. Наконец, вынул и положил на столик тонкой работы серебряную брошь в виде бабочки.

– Вот, жене вёз, – трагическим голосом проговорил он. – В подарок.

– Полсотни за неё, – быстро произнёс Спич, аккуратно складывая купюры в стопку.

– Побойтесь бога! – взвился инженер. – В Дубостане я отдал за неё две сотни!

– Мы ж не в Дубостане, – оскалился Кент. – Здесь свои расценки. Хочешь, ставь за полста, нет – разойдёмся красиво.

– Ладно, ставлю, – решился горняк. – Я знаю, мне сейчас повезёт.

Бедолага явно рассчитывал вернуть проигранные сбережения, рискнув играть против опытных вагонных шулеров. Антону это надоело.

– Хватит. Господин инженер, уберите свою цацку. Порадуйте жену подарком, и бросайте играть, иначе останетесь вовсе без штанов. – Он властно забрал украшение с кона и протянул Реусу. И повернул голову к остальным картёжникам: – На этом игровой сезон считаю закрытым. Дайте отдохнуть хотя бы оставшееся время.

– Тебе не кажется, дружище Спич, что некоторые благородные господа считают себя очень умными, – обратился Кент к товарищу намеренно громко, так, чтоб слышали все присутствующие. – Или очень крутыми. Да, вот точно – крутыми. Видал, у него сергу в ухе?

– Ага, дружище Кент, – поддержал товарища Спич. – Я слышал, на западных границах бродяги сбиваются в стаи, грабят приграничные районы княжеств, режут мирных людей. При этом гордо называют себя рейдерскими отрядами и присваивают бандам громкие названия. Всякие там «тигры», «барсы», «леопарды». Там этих «кошек» больше, чем шавок у нас на Задворках.

– И теперь такой вот парень указывает, что нам делать, и что нам не делать?

Ант спокойно слушал издевательскую болтовню босяков. Выпили ребятки болтаны, теперь треплют языками. Что ж, бывает. Язык, он без костей. Но инженер, похоже, немало струхнул. Продолжать игру он больше не хотел и убрал брошь в карман.

– Действительно, господа, достаточно...

– Хватит, так хватит, – покладисто кивнул Спич, укладывая выигрыш в карман куртки. – Можно и отдохнуть. Покурим перед сном?

Теперь он смотрел прямо на Антона.

– Покурим, – тряхнул головой «гепард».

Все трое протиснулись из купе в узкий коридор. На боку Антона висел в ножнах широкий обоюдоострый клинок, какими обычно пользуются диверсанты. Оружие в умелых руках крайне опасное, но ни в Дубостане, ни в Идиллии на такие мелочи не обращали внимания. Здесь и револьвером в кобуре не очень-то удивишь. Сунги же всегда носили на поясе длинные ножи, считавшиеся частью национальной одежды, и, кстати, мастерскими ими владели.

Но Антон и не собирался доставать оружие.

Пока шли по коридору, он безбоязненно подставлял шулерам беззащитную спину. Обострившиеся рефлексы бойца позволяли интуитивно определять, чувствовать дистанцию до противника и их движение. Логика подсказывали – здесь, в узком, тесном пространстве, босяки в драку не полезут. И лишь вывалившись в тамбур, Ант резко развернулся спиной к стенке вагона и оказался лицом к лицу с преследователями. Зубы его уже сжимали мундштук папиросы. Спросил с ухмылкой:

– Спичек не найдётся?

– Конечно!.. – расплылся Кент. – Секунду, мой друг!..

Он стоял ближе, Спич тёрся сзади, вплотную к сообщнику. Кент с готовностью чиркнул спичкой, а затем резким движением сунул огонёк к лицу Антона. Знакомый приём: в полумраке тамбура – ослепить, сбить с толку, отвлечь внимание, а Спич тем временем...

Эх, зря вы ребята не узнали побольше о диких кошечках, что водятся на западной границе Даирии. Тогда, может, не полезли бы на рожон. Хитрость не помогла. Ант заранее щурил глаза, готовился к чему-то подобному. Вместо того чтобы отпрянуть, он чуть нагнулся, и не сходя с места сильно и точно ударил кованым ботинком Кенту в пах. Противник охнул, сложился, и тотчас получил удар коленом в лицо. Обвалился прямо под ноги Спичу. Тот как раз начинал движение, сбился с шага, и правая рука с длинной заточкой зависла в считанных сантиметрах от шеи Антона. «Гепард» припечатал вооружённую руку к стенке тамбура – противно царапнул металл о металл – и чуть потянул на себя. Спич, запинаясь о лежащего поделника, растянутый по стенке, запрокинул голову. И тотчас получил в открывшееся горло жестокий удар кулаком.

Если бить правильно, такой удар ломает хрящи гортани всмятку и человек умирает в считанные минуты от удушья. Спич захрипел и выронил оружие. Начал оседать, но «гепард» придержал поверженного противника. Вытащил из куртки деньги, переложил себе в карман. Потом, не отпуская обмякшее тело, – ох и тяжёл же ты стал, Спич, мёртвые всегда тяжелее живых, – перешагнул хрюкающего Кента и распахнул тамбурную дверь.

В лицо пахнуло прохладным ветром, запахом креозота и разогретого железа. Теньями скользили силуэты деревьев лесополосы, высаженной у путей. Одним махом Ант вытолкнул мёртвого Спича в зияющий проём.

Следом пришла очередь Кента. Предварительно Антон вонзил в грудь шулера заточку сообщника. На всякий случай. И свидетели не нужны, и случись, не приведи господи, дознание – два гопника не поделили добычу, затеяли драку и вывалились из вагона. При этом один успел пырнуть другого заточкой. Бывает.

К тому же у босяков наверняка есть дружки. Те тоже могут проявить интерес, а зачем лишние вопросы? Все эти мысли Антон крутил в голове равнодушно. Действия его были размерены и методичны. Он не испытывал к убитым ни жалости, ни сострадания – шваль, человеческие отбросы. Просто всё нужно доводить до конца.

Ну, здравствуй, малая родина...

Вернулся в купе и подсел к инженеру. Тот, молча давился слезами, переживая проигрыш.

– Очень вам не советую, уважаемый, играть в карты с незнакомыми людьми. Тем более на линии Дубостан – Идиллия. Тем более с профессионалами, – с этими словами Ант положил перед горемыкой деньги.

Инженер уставился округлившимися глазами на купюры:

– Это все наши с женой сбережения! Весь последний год в беспрестанных трудах, часто в две смены!.. Как?.. Как вам удалось уговорить этих жуликов вернуть деньги?

– Умею убеждать, – улыбнулся Ант.

– Они напоили меня своей сивухой, и я потерял голову. Мы собрались купить домик в Идиллии. Я отправился в Дубостан, в банк, туда и обратно. И вот... Даже не знаю, как вас теперь благодарить?! – И тут же спохватился: – А, кстати, где они? Вдруг, вернуться?

– Не вернуться, – успокоил инженера Антон, расслаблено вытягивая ноги. – Они сошли с поезда.

– Но остановок не было?..

– Не важно. Давайте договоримся так: мы все вместе сели, выпили-закусили, а потом вы и я легли спать. Перед прибытием проснулись – попутчиков нет. Где они, куда пошли – знать не знаем. Больше мы их не видели. Не думаю, что кто-либо вообще заинтересуется судьбой этих подонков, но если вдруг... Так и вам спокойнее, и мне. – Горняк часто закивал головой. – А вы, господин Реус, работаете на кирпичном заводе?

– Кирпичный завод? – воскликнул собеседник. – Вы, верно, давно не были в этих краях, господин...

– Антон. Зовите меня просто Антоном. Да, я уезжал.

– Завод сейчас мало кого интересует. Кроме самого господина Фоля, конечно. Зарботки не те, в карьер их не пускают, да и вообще, сейчас в Приозёрье всё изменилось.

– Вот как? – неподдельно удивился Антон. – Это что ж такое должно было случиться, чтоб кирпичи упали в цене?

О кирпичном заводе Фоля он кое-что знал. Историю освоения южных земель рассказывал кузнец Трей. Непростой он был человек, и ковать умел, и книги читал. Знал много, а до приезда в Приозёрье, говорят, работал в Дубостане на металлургическом комбинате. Сам Трей никогда о прошлом не рассказывал, и о том, что согнало его с насиженного места, помалкивал.

Антон же по просьбе матери два года посещал вечернюю школу при храме Святого Николая. Священники обучали грамоте и счёту, однако кроме этого читали ученикам лишь нравоучительные истории из жизни Первохода и о его пути к святости. Всё остальное мальчик узнавал от кузнеца. Днём тот учил махать молотом, а по вечерам Ант частенько засиживался с чашкой чая в комнатке за кузней. Напившись ароматного напитка, Трей набивал любимую трубку крепким табаком и начинал свои рассказы.

Сколько кузнец себя помнил, никогда в Даирии не было спокойно. На западе много лет не прекращался спор из-за пограничных земель с княжествами Грасс и Калеман. Княжества то вступали в военный союз, то отстаивали свои права поврозь, но вооружённые стычки слу-

чались регулярно, перерастая зачастую в кровавые локальные войны. Постоянного контроля требовал и берег Северного моря, незамерзающего по причине тёплого течения. Здесь располагался крупнейший порт и главная военно-морская база республики Порт-Тавальон. Отсюда уходили в рейды военные корабли – сражаться с корсарами Калемана, норовившими высаживать десанты на земли Даирии.

Здесь же начинался судоходный путь в Поморье, отдалённую колонию, где на страже интересов столицы Даирии – блистательной Ксении – стоял Колониальный корпус. Поморье отделяла от республики огромная территория, почти сплошь поросшая тайгой – империя Цизе. Имперские интересы давно и прочно были связаны с этим забытым богом клочком земли. Столкновения с цизейцами и поддержание порядка в Поморье правительство называло «восточной проблемой», и та постоянно высасывала из республики оружие, боеприпасы, снаряжение, провиант – деньги. И людей – транспорты с волонтёрами уходят в море каждую неделю.

А там, где мы живём, продолжал рассказывать кузнец, пролегает южная граница. Тянется она по Великой Степи, бескрайнему, прокалённому солнцем простору, где на глинистой почве изредка встречаются колючие кусты, да гуляет ветер, гоняя вечных странников – перекати-поле. Лишь с дарийской стороны, близ течения реки Алтаны разливаются морем ковыли и степные травы.

Отсюда начинается Южный тракт, древняя дорога из тёсаного камня через Степь. Кто и когда проложил её, сейчас никто уже и не вспомнит. Как не помнят люди, кто перекинул мост через Алтану. И если отправиться по Тракту на лошадях, то к концу третьего дня пути покажутся на горизонте зубчатые стены крепости Хасан-Бад. Это уже Асхея, крупное и богатое ханство. Его столица – Терция – красивый южный город с дворцами и фонтанами. С древних времён в ханстве выращивали тутовые деревья и ткали тончайший шёлк, платья из которого были нарасхват у дарийских модниц. Изготавливали пряности и засахаренные сладости, что так ценились в ресторанах блистательной Ксении. А великолепные асхейские ковры и вино с тонким, необыкновенным букетом прославились на весь мир.

Соседствуют с Асхеей ханства Химея и Мигрия. Первая – по большей части бесплодная пустыня. Население малочисленно, живут химейцы в основном на границе с Асхеей, либо близ редких колодцев с водой. Сами же они нищи и невежественны, влачат жалкое существование, пытаясь выращивать на каменистой, не пригодной для сева земле хлопковые кусты. Мигрия, большая часть которой расположена в горах Наган-Таг, населена племенами дикими и необузданными, такими же, как и их скакуны. Мигрийцы грубы и неотесанны, обожают кожаные одежды и широкие кинжалы, но в схватке храбры до безрассудства, за что снискали славу отличных бойцов.

От века по Тракту шли караваны. Из Ханств на арбах везли шелка, ковры, пряности и вино в кувшинах. Обратное – лес, литой металл, инструменты, и многое другое, в чём нуждались асхеи. Но, это то, что лежит на поверхности, о чём пишут в книгах по истории. С некоторого времени по старой дороге стали перевозить контрабанду: сильный наркотик «чёс» и запрещённую в Даирии настойку «Большой дракон». И это в книгах уже не пишут. Поток отравы не на шутку обеспокоил жандармерию и таможеню. Зелье не только оседало в Дубостане, оно растекалось по всей Даирии. Подобно чуме «чёс» поразил край лесорубов с окружным городом Крозеном, следом – индустриальный Астенгард. Наконец, волна наркомании докатилась до столицы, став нешуточной головной болью для Главного жандармского управления.

Если добавить к этому постоянные войны между ханствами – ситуация пороховой бочки с подожжённым фитилём – становится понятным, что потребовалось укрепление южных пределов. Но чёткой границы там никогда не было. Великая Степь существовала как бы сама по себе и не принадлежала ни одному государству. Никто не претендовал на дикие, безжизненные пространства. Выгуливают асхеи на своей стороне табуны лошадей, пасут химейцы коз – и бог

с ними. Блистательной Ксении всё это было неинтересно. Главное, не лезут в наши пределы, не рвутся через Степь в Даирию. Поэтому ставить пограничную заставу в такой глуши, налаживать снабжение и связь, казалось заседателям Верхней палаты и президенту непозволительной роскошью. Хватит и гарнизона в Дубостане.

И тогда в Государственном Совете родился проект: территорию, прилегающую к озеру Зеркальному (так называли его геологоразведчики), и зону лесостепи к востоку от русла Алтаны, объявить специальным указом свободной безналоговой зоной – Приозёрьем.

Теперь любой желающий мог поехать в Дубостан, получить необходимые на первое время инструменты, продукты, семена для посева и скот, и отправиться осваивать новые земли. Желающие нашлись, называли их колонистами. Среди них встречались люди честные и трудолюбивые, решившие построить своё будущее собственными руками. Были неудачники и фантазёры, мечтавшие найти на границе со Степью молочные реки с кисельными берегами. Наконец, направились в дальние края и личности откровенно преступные: душегубы в розыске, проворовавшиеся чиновники, жулики и авантюристы всех мастей.

Ходили даже слухи, что жандармы Дубостана, воспользовавшись ситуацией, выслали в Приозёрье большую часть своих неблагонадёжных граждан принудительно. Провели облаву перед отправкой и поставили условие – или едешь на необжитые земли колонистом, или посадим в тюрьму. А преступление, дружок, мы тебе всегда подыщем.

Можно себе представить, какое пёстрое общество отправилось к озеру Зеркальному. Голоса людей тонули в скрипе телег, мычании коров, гонимых стадами, и похрюкивании свиней, вывозимых в клетях на колёсах. С ними смешивались пьяный хохот и заунывное пение о покинутых родных краях, пальба в воздух и ругань. И непрекращающиеся споры пионеров, как лучше устроить будущее житьё-бытьё. Дорожная пыль густо покрывала сапоги людей и конские копыта.

Посёлок начали ставить у лесного массива, вырубая деревья на строительство барачных и землянок. Но вскоре фермеры отмежевались. Привычные к труду крестьяне быстро отыскивали землю получше, поближе к реке, и принялись нарезать участки под поля и пастбища. Первым правительственным учреждением, появившимся в нарождающемся посёлке, была кадастровая кантора. Некоторые переселенцы сразу двинулись к озеру, но нарвались на сунгов и повернули.

Первую зиму в посёлке пережили кое-как. Настоящих столяров и плотников среди пионеров было мало, строителей тоже. Романтическая молодёжь да уголовники ставить избы не умели. Рыть землянки в глинистой почве тоже оказалось делом непростым, а зима уже стучала в дверь. Ночами подмораживало, пожелтели и облетели листья в лесу, что тянулся к озеру. А там и первый снег выпал – сразу глубокий, – а землю сковало морозом. И так – на все три зимних месяца.

Встречать холода пришлось в наскоро построенных лачугах, едва укрывавших от непогоды, и стылых землянках. Лишь некоторые новосёлы успели оборудовать себе добротное жильё и, экономя продукты, чувствовали себя в относительной безопасности. Но в лачугах процветало пьянство, игра в карты, воровство. Именно этот район впоследствии получит название Задворки.

Переселенцы-крестьяне отделились от общей массы сразу по приезду. Они отошли восточнее, ближе к реке, и сразу взялись за работу. Строили неказистые, но надёжные избы, хлева для скота, обработали землю под озимые, и к весеннему севу были готовы. У многих городских, которым скот достался по разнарядке, и которые не представляли, что с ним делать, хитрые фермеры выменяли скотину на консервы и спирт.

В посёлке же голодали и мёрзли, особенно на Задворках. Кто сумел сохранить продукты, выданные в дорогу, и построил сносное жильё, превратили свои дома в крепости. Окна заколотили крепкими ставнями с прорезанными отверстиями для ружейных стволов. Бездомные обитатели Задворок, голодные и остервенелые, норовили грабежом добыть себе пропитание у

своих более удачливых соседей. Их встречали пальбой из всех стволов. Оружие брали в руки и женщины, и подростки.

Кто-то шёл к фермерам, в надежде поживиться съестным. Бумажные дары, и даже серебряные монеты, в то время ничего не стоили. Расцветал свободный обмен – за еду брали инструменты, ружья, патроны. Прижимистые селяне меняли провизию скупно, сдирая с колонистов из посёлка три шкуры.

Но вот, худо-бедно, зима миновала. Стаяли снега, отжурчали ручьи. По весне выяснилось, что от прибывших переселенцев осталась едва треть. Кто-то умер в голодное время, а то и погиб в перестрелках. Кто-то решил податься обратно в Дубостан, да так и сгинул в заснеженных лесах. И неизвестно, чем закончился бы грандиозный проект, если бы не Александр Фоль.

С именем этого человека связано дальнейшее развитие края и появление Идиллии. Происходил Фоль из хорошей семьи, от века занимавшейся строительством. Молва гласит, что Александр не поладил с отцом и братом и назло им поехал с переселенцами в дикие места. Но именно он первым отметил, что почва у посёлка глинистая, малопригодная для земледелия. Зато из неё можно производить отличные кирпичи. В этом Фоль знал толк.

Собрав горстку помощников, он построил первую примитивную обжиговую печь, и уже в середине лета подводы, гружённые образцами товара, тронулись в Дубостан. Окружной город рос. Окраины его ещё оставались деревянными, старозаветными, но центр одевался в камень. Появлялись новые районы для дельцов средней руки, сделавших состояние на торговле лесом. Они ещё не могли себе позволить мраморных и гранитных дворцов, но и «как все» жить не хотели. В этом отношении недорогой, входивший в моду кирпич являлся отличным выходом из положения. Просторные дома с красно-коричневыми стенами росли как грибы после дождя.

Одна беда, кирпича не хватало. Привозить его приходилось издалека, а значит, и стоило он дорого. Всё это было отлично известно семье Фоль, и когда Александр привёз свои образцы и планы строительства кирпичного завода в Приозерье, семейные неурядицы были вмиг забыты. И денег, и влияния у Фолей хватало для раскрутки любого, даже самого смелого проекта.

Всю вторую половину лета в степь ехали вереницы уже не подвод – грузовиков. Завозили инструменты, материалы, провизию – консервы и концентраты. Ехали инженеры, строители и рабочие. Фоль застолбил под будущий завод и котлован громадную территорию. Одновременно с закладкой завода он начал ставить деревянные бараки для рабочих, открывал продуктовые лавки. Однако съестное в них не продавали, а выдавали по карточкам только для строителей и рабочих завода. Надо ли говорить, что у контор, набирающих будущих копачей, толкачей, лебёдочников и рабочих печей обжига выстраивались очереди?

В то же время в Муниципальном совете Дубостана Фоль-старший пробил решение удлинить железную дорогу на триста двадцать километров к югу. Северная магистраль, связывающая Дубостан с блистательной Ксенией и тянувшаяся далее вплоть до Порт-Тавальона, получила небольшой хвостик, ведущий к строящемуся кирпичному заводу. Рядом с путями выросли телеграфные столбы, протянулся телефонный кабель.

В рекордно короткий срок была запущена первая печь. Затем заложили и отстроили ещё две. Производство требовало много воды, и целый отряд водовозов с утра до вечера возили на телегах большие бочки воды с Алтаны. Со временем колёса набили плотную грунтовку от берега реки и фермерских хозяйств, мимо леса и карьера прямо к заводу. Дорогу эту так и прозвали – Тропа водовозов. Пользовались ею и фермеры, поставляющие провизию в рабочие лавки Фоля.

И вот настал день – мощные тягачи вереницами поволокли платформы, груженные красно-коричневыми, крепкими, добротными кирпичами в Дубостан. А на зарождающийся завод следом пролился золотой дождь. На этих деньгах он рос как на дрожжах, а вместе с ним появлялся новый город.

Вторую зиму переселенцы перенесли куда легче. А ещё через год заработала станция Карьер, принимающая регулярные поезда из Дубостана. Появился рынок, где продавались любые продукты – от рыбы, выловленной сунгами в озере, до арбузов, выращенных фермерами на берегах отводных каналов.

Вслед за рабочими и строителями, второй волной хлынули в посёлок государственные служащие и жандармы. До этого предполагалось, что пионеры создадут отряд народной милиции на случай непредвиденных обстоятельств. Но что за обстоятельства имелись в виду – нашествие сунгов? Это просто смешно! А бороться с бандитами добровольно никто не хотел. Поэтому милиция так и не появилась, органом власти стал совет глав наиболее крепких семей, собиравшийся от случая к случаю и ничего толком не решавший.

Однако Фоля такое положение дел не устраивало. Он хорошо знал местную обстановку, знал, как вольно живётся бандитам и жуликам на Задворках. Заводчик дорожил своей будущей собственностью. Именно с его подачи появилась Центральная площадь с Муниципалитетом из отштукатуренного кирпича, и Жандармерия с казармами, следственными камерами и карцером. Чуть позже воздвигли храм Святого Николаса Первохода. Скромный, но и сам святой, как гласит предание, отличался редкостной скромностью. Всё это подарил родному городу Александр Фоль.

С одной стороны, от площади расположились бараки рабочих, с другой – рынок, с третьей образовался район мастерских и артелей. И лишь тянувшиеся за мастерскими Задворки так и остались трущобами, нагромождением живописных лачуг и времянки. Здесь продолжали селиться личности весьма подозрительные, не желавшие ни махать лопатой в карьере, ни стоять у печей. К труду они относились с презрением. А сразу за чертой посёлка начиналась Чёрная роща, выходящая к озеру.

Власти попытались было навести хоть какой-то порядок на Задворках, но возможностей для этого не хватило. Жандармы гибли в перестрелках, безуспешно преследовали дерзав в проходных дворах. Те исчезали в скрытых проходах между лачугами, растворялись в лесу. Ничего толком не добившись, жандармы ограничились постовыми на границе с Мастерскими. Следили, чтобы выходцы из бандитского логова не докучали честным гражданам города.

Да, теперь ни у кого уже не поворачивался язык назвать окрестности кирпичного завода посёлком или лагерем переселенцев. Город – на глазах разрастался город. К тому же, управленцы завода отделили себя от остальных горожан. По другую сторону завода выстроили особняки и дома по специальным проектам для состоятельных людей и приглашённых специалистов. Здесь жили: сам господин Фоль, дирекция и администрация завода, инженеры. Здесь не открывали лавки, а ставили дорогие коммерческие магазины. Появились ресторан и варьете. Полис – так стали называть этот район для чистой публики, не ровняющей себя с работягами, а тем более с ворьём.

Полис огородил себя кирпичным забором, защитился проходной с жандармами. Простолюдинам ходу сюда не было. Да и нечего им здесь делать, пока не позовут. На ухоженных детских площадках играли ухоженные дети, которым вовсе не обязательно водиться с жиганами с Бараков или с Рынка.

Пришло время, и некий чиновник департамента административного деления республики Даирия покрутил ус, раскрыл соответствующий толстенный реестр, и тонко усмехнувшись, сделал запись: «Город Идиллия. Расположен на юге республики, в 320 километрах от Дубостана. В местах диких и для жизни малопригодных. Единственная достопримечательность – крупный кирпичный завод семьи Фоль».

Глава 2

– Правда, в последнее время положение у Фоля несколько улучшилось, – продолжал господин Реус. – Этот хитрец договорился скупать отработанный глинозём из сепараторов. Плодотворная, я вам скажу, идея. По сути, он получает готовый материал. Остаётся лишь залить его в формы, просушить – и в печь. Но я не по этой части.

Инженер явно оживал, а Антон заинтересовался ещё больше.

– То-то и я удивился, человек в форме горного инженера и едет на карьер. А что за сепараторы?

– Для отделения тартара, конечно! Огромные камеры, где размывают глину до очень жидкого состояния. Потом фильтруют, тартар отсеивают, а глину – долой. Вы что, не слышали о Комбинате?

– Я долго отсутствовал.

– Тогда понятно. В карьере теперь моют тартар. Горнодобывающий дом «Предвестник» выстроил обогатительный комбинат: огромная территория, цеха, сепараторы. Плюс Научный центр для изучения этого минерала: с лабораториями, испытательными стендами и всем прочим, что необходимо. Я, собственно, хоть и ношу форму горного ведомства, но сам по образованию больше геохимик. Меня и отобрали для работы с проблемами обогащения тартара. Знаете, какой конкурс был?! О-го-го! Но и платят на порядок больше, чем в Дубостане. Так что, господин Антон, считайте, вытянул я счастливый билетик. Мы здесь с женой и дочерью уже шесть месяцев. Теперь вот дом купим...

Инженер, похоже, полностью отошёл от неприятных переживаний. Антон же недоумевал. Тартар, почти мифический то ли камень, то ли металл, с которым связывали загадочные свойства талисманов сунгов. Мама рассказывала, шаманы собирали его у берега Зеркального, по колено в воде. И только в одном месте, опасном и жутком. Называли это место Гиблым, а участок озера около него – Волчьей пастью. Даже среди шаманов не каждый был способен гулять по Гиблому месту безнаказанно.

Там не водилась рыба, по берегу не рос камыш. Песок на пляжах всегда оставался плотным и как бы влажным, даже в самую жаркую погоду. Зимой же озеро в этом месте никогда не замерзало, а с человеком могли произойти странные события.

Болтали, самые отчаянные и любопытные уходили к Пасти в надежде найти заветные камешки. Уходили молодыми, полными сил парнями, а возвращались немощными стариками. Так, что и узнать их сразу было трудно. А то и вовсе пропадали без следа. Никто никогда их больше не видел.

Ант считал всё это сказками, которыми мама развлекала их в детстве, чтоб не плакали. И тартар, и талисманы, и образ шаманов с их древними знаниями, позволяющими найти и использовать загадочный минерал, всё это он относил к области народных сказок сунгов. И вот, пожалуйста – Комбинат, обогатительные цеха, лаборатории. Фантастика какая-то...

– И зачем нужен этот тартар? – спросил он.

– О, мой господин, – инженер сделал хитрое лицо, – вот на этот вопрос я вам не отвечу. И вообще, мало кто ответит. Тартар изучается. Якобы, будет он использоваться в военной промышленности: то ли для создания какой-то сверхсильной взрывчатки, то ли наоборот, сверхпрочных материалов, особой брони. Но плодятся лишь слухи – все работы засекречены, достоверной информации нет. Тем не менее, тартар внесён в реестр стратегических материалов. Комбинат обнесён высокой оградой, пропускная система, вооружённая охрана. Строгости всякие. Да вы сами увидите. И сотрудников отбирают очень придирчиво. Говорю же вам, я вытянул счастливый билет!

– Что ж, остаётся только вас поздравить, господин Реус, – ответил Антон. – Я тоже рассчитываю найти какую-нибудь работу в Идиллии. Так может, на Комбинате?

– Боюсь, это будет не так просто, – сделал значительное лицо инженер. – Говорю же – закрытый объект, особый режим. Впрочем, я такие вопросы не решаю. Но оклад! Если устроитесь, вам, безусловно, повезёт.

За окнами светало. Скоро поезд прибудет на станцию назначения, которую без затей называли Карьером. Оттуда до Идиллии каких-то двадцать километров. Ладно, на месте разберётся. Разговор перешёл на всякие пустяки. А вскоре в купе заглянул проводник в красном мундире и форменной фуражке с надписью: «Железные дороги Даирии».

– Станция «Карьер», конечная. Готовьтесь на выход, господа.

Паровоз выпустил пышный султан пара, прогудел призывно, словно диковинный зверь, почуявший родную берлогу, и начал сбавлять ход. По сторонам полотна ещё тянулись клёны и ясени, задрапированные понизу зарослями дикой акации, но в прогалах зелени уже просматривалось вольное, знойное, наполненное солнцем пространство степи. И будто услышав гудок паровоза, лес закончился разом, и степь распахнулась во всю ширь, полная полевых цветов и ковылей, что зыбились волнами под порывами ветра, словно океанские волны.

Небольшое квадратное здание вокзала с единственной облупившейся дверью, пыльными окнами и полустёршейся надписью: «Станция Карьер» ожидало приезжих. Перрон был пуст. Ни встречающих, ни станционной obsługi. В состав входил всего один пассажирский вагона, все остальные – грузовые платформы. На одной стоял закреплённый бульдозер, на другой – дизельный экскаватор с огромным ковшом. Со слов инженера – новинка, изготовленная в княжестве Грасс. Вся лучшая техника поступала оттуда. Две последние платформы были и вовсе наглухо укрыты брезентом, под которым лишь угадывались громоздкие и угловатые то ли механизмы, то ли большие коробки.

Антон, подхватив вещмешок, вышел из вагона. Ветер, сухой и жаркий, несущий мельчайшую колкую пыль, неприятно опухнул лицо. Вывалились на платформу фермеры и работяги, степенно спустилась пожилая пара. Паровоз, коротко прогудев, тронулся малым ходом к депо. Ворота, выкрашенные в тяжёлый свинцовый цвет, со скрежетом разъехались. За ними маячили синие фигуры с карабинами через плечо, поплёскивали на солнце примкнутые палаши.

Однако строго у нас тут стало, отметил Антон. Такого он не помнил. На кирпичном заводе охрана была, как во всяком другом месте, где делают полезные вещи. Просто чтоб не растащили продукцию. На проходной дежурили обычные усатые дядьки со старенькими револьверами в брезентовых кобурах. Кирпич, кстати, всё равно выносили: чаще через ограду, пользуясь знакомствами в той же самой охране, или через карьер, что требовало немалой физической силы и выносливости. Тем не менее, находились и ловкачи, и силачи.

Но вооружённая охрана у депо?!

За спиной Антона, за железнодорожным полотном простиралась степь. Слева втягивался в раздвижные ворота состав, справа притаился вокзал. Туда быстрым шагом направились приезжие. Далее виднелись приземистые, длинные пеналы складов и пакгаузов, глухие заборы.

За станционным зданием, как помнил Ант, располагалась небольшая площадь. Раньше из Идиллии до станции гоняли на бричках братья Лихие, и ездили они довольно часто. Даже вешали табличку в зале у касс, который из братьев на месте, а который в рейсе и в какое время появится. В любом случае, идти следовало вслед за всеми на вокзал. Не топать же в Идиллию пешком!

Антон почти дошёл до дверей, когда на грунтовой дороге, огибающей вокзальную постройку, показался грузовик. Потрёпанный с виду тягач уверенно взрыкивал мощным регулируемым двигателем, и, судя по высокой посадке, обладал к тому же неслабой проходимостью на ухабистых степных дорогах. На брезентовом тенте, порядком выцветшем на солнце, была выведена краской аляповатая надпись: «Контора Грановски: закупки и продажи».

Грузовик, не сворачивая, проехал к депо, к ещё незакрытым воротам, и резко затормозил, подняв тучу пыли. Из кабины высунулся некто в цветастой рубашке, прокричал что-то охранникам, и автомобиль плавно вкатился вслед за составом – мимо вооружённых жандармов, прямёхонько на территорию охраняемого объекта. Вот как? – удивился Антон, значит, запреты распространяются не на всех? И толкнул двустворчатую дверь.

В холле он слегка зажмурился, привыкая к полумраку после яркого солнечного света, а когда проморгался, перед ним стеной вырос патруль. Жандармский капрал: немолодой, сухощавый, судя по плотно сжатым губам и цепкому, оценивающему взгляду – опытный служака. Синий мундир выгорел до неопределённого серо-голубоватого колера, висел мешком, сапоги в пыли. Только жандармская бляха на груди начищена до нестерпимого блеска. Кобура с армейским револьвером не сбоку, как того требует устав, а на животе. Сзади двое рядовых с карабинами и палашами на поясе. Вид такой же затрапезный, как и у командира: воротнички расстёгнуты, фуражки сдвинуты на затылок. Стоят в расслабленных позах, не проявляя особого интереса к происходящему.

– Документы, – отрывисто пролаял капрал.

Антон успел отметить, что все вошедшие перед ним, свободно проследовали вглубь вокзального помещения. Пожилая пара с дорожными кофрами, работяги с мешками и фермеры. Никто из них не задержался. Даже инженер с баулами протащился беспрепятственно, но Антона капрал остановил.

– Прошу, господин капрал.

Он протянул служаке паспорт и подорожную.

– Цель приезда? – продолжал жандарм, просматривая документы.

– Там написано... – В подорожной действительно было вписано – трудоустройство.

– Я вижу! – оборвал капрал. – Я вижу, что здесь написано. Некто Антон Кросс, зарегистрированный в Дубостане, прибыл чёрт знает для чего напрямик в нашу дыру. – Он сложил документы, и не возвращая бумаг, скрестил руки за спину. – Сунг?

– Мать была сунгелой, – сдержанно ответил Ант. Сколько лет прошло, но здесь, похоже, ничего не изменилось. Сунгов в городе не любили. Да они, за редким исключением, в Идиллии и не селились, предпочитая свой посёлок у озера Зеркального, которое так и называли – Озеро, с заглавной буквы. Что-то было в их религии, круто замешанное на этом водоёме у самой границы степи. Но что именно, дарийцы не знали, да и не хотели знать.

– Полукровка, – удовлетворённо кивнул служака. – Сунги не живут в Дубостане. Они вообще не любят покидать окрестностей Зеркального. Ты что, родился в Идиллии?

– Вы проницательны, господин капрал.

– Значит, жил на Бараках. Или в Мастерских. Потом уехал и долго гулял по свету. А теперь вот вернулся. Нужен нам сунг, вернувшийся из Дубостана? Притом, что неизвестно, чем он здесь будет заниматься и какая от него польза? Одна серьга чего стоит. И нож. Разрешение на оружие есть?

Странно, у Антона сохранилась память о малой родине как о месте, куда может приехать любой. Никаких разрешений, прописок, направлений не требовалось. Это всё происходило на его глазах. Он был мальчишкой, а в Идиллию приезжали новые люди, ставили отметку в Муниципалитете, регистрировались в Жандармерии, и селились. Хочешь, ставь свой дом, не на Центральной площади, понятно, но чуть дальше – у Рынка или за Мастерскими – без вопросов. Хочешь, договаривайся со старостой барака, получай комнатуху.

Про Задворки и говорить нечего. Туда съезжались и жили без всяких отметок, – да вообще без каких-либо бумаг, – такие личности, что появившись они в любом другом месте, арестовали бы без разговоров. Преступники, объявленные в розыск жандармериями Астенгарда, Крозена, прочих городов и весей республики, благоденствовали на Задворках. И дела творили свои чёрные беспрепятственно. Об этом знали все.

Ну а спрашивать про нож считалось вовсе неприличным.

Однако жандармский капрал вприщур глядел на приезжего, явно прикидывая – взять его под стражу немедленно, или погодить немного. А если погодить, то какую выгоду принесёт это лично ему, капралу.

Впрочем, рядовые поз не меняли, брать оружие наизготовку, похоже, не собирались. Антон понял, пришло время пустить в ход главный аргумент.

– Конечно, есть, господин капрал, – Антон подал жандарму титульную карточку отряда «Гепард», где нож значился непременным атрибутом формы одежды названного отряда. Не забыв вложить внутрь полусотенную банкноту.

– Ага, вольный стрелок. То-то я вижу, кошка в ухе. Ну ладно... – кивнул капрал, просмотрев бумагу. Деньги при этом растворились чудесным образом. – Ты ж теперь в копачи наладишься, не иначе, – предположил насмешливо. – Или картошкой торговать пойдёшь. С твоими-то навыками... Но мне это неинтересно. Главное, чтоб не нарушал порядок на вверенной территории. Автобус до Центральной площади будет через сорок минут, Антон Кросс. И через сорок минут я не желаю тебя видеть ни на вокзале, ни поблизости от него. Понятно изъясняюсь?

– Куда понятнее, господин капрал... – кивнул Антон. – Тут раньше братья Лихие извозом занимались?..

– Ты действительно давно у нас не был. Слишком лихо занимались, не всем это нравилось. Так что, жди автобуса. Удачи тебе, вольный стрелок.

Фермеров встречали родичи на телегах – шумно загрузились и быстро отъехали. Пожилую пару встретил молодой человек скромного обличия на таком же скромном экипаже. Господин Реус сел в выдавший виды, пропылённый автофургон. На борту явственно просматривались большие стилизованные буквы «ГДП» в лавровом венке. Ага, казённый транспорт, вот только и ежу понятно, за высоким начальством присылают что поприличнее.

На остановке (шаткий навес с лавкой) остались маяться работяги. С краю примостился Антон, закурил папиросу. Вот он и дома. Ну, или почти дома. И куда теперь? Сразу разыскать родной барак, комнатуху, где жил когда-то? Остался ли там кто-нибудь из близких, или хотя бы знакомых людей? Почему-то Анту казалось – вряд ли.

Давным-давно обжитой юг республики Даирия оканчивался на городке Дубостан, что расположился на границе лесной зоны. Далее простирались обширные и безлюдные пространства лесостепи. Лишь охотники уходили далеко от города за черно-бурыми лисицами, мех которых ценился очень высоко. Походы эти оставили в перелесках охотничьи домики и зимовья, других поселений здесь не было.

Лесостепь простиралась по течению реки Алтаны, берущей своё начало в отрогах Алатуйских гор на северо-западе страны. Река неширокой лентой протекала с севера на юг среди кленовых и ясневых перелесков и впадала в крупное озеро, с высоты птичьего полёта напоминающее запятую. Северная часть его была почти круглой, словно чаша, а южная – вытягивалась таким хвостиком, коротким и узким. От «хвостика» начиналось болото. На восток тянулся лесной массив, а с запада и юга озеро окружала степь.

Министерство недр отправляло в те края экспедицию, состоящую из геологов, картографов и прочих специалистов. Разведчики изучили водоём, определили, что вода в чаше кристально чистая, глубина приличная и рыбы полно. Но объяснить происхождение болота в сухой степи, раскалявшейся летом как сковородка, не смогли. Ценного в недрах ничего не обнаружили, зато наткнулись на малочисленный полудикий народец, населявший берега озера. Описали всё увиденное, с тем и вернулись.

Таким образом, в блистательной Ксении о сунгах знала лишь малая часть учёных-этнографов, заинтересовавшаяся отчётами экспедиции. По их мнению, народ этот имел интерес-

ную, самобытную историю, культуру и традиции. Но чиновникам было не до горстки туземцев, в республике хватало куда более насущных проблем. О сунгах на время забыли.

А вот когда Госсовет объявил Приозёрье свободной безналоговой зоной, и на берега Алтаны прибыли первые колонисты, то кое-кто сразу отправился на озеро. Тут и столкнулись они с высокими, ловкими аборигенами, говорящими на незнакомом наречии и имевшими необычный оливковый оттенок кожи. Для колонистов это оказались неприятной неожиданностью.

Туземцы занимались рыболовством, огородничеством, но главным своим источником существования считали караваны из-за Степи. Перейдя мост, караванщики делали привал: мылись в оборудованных сунгами купальнях, получали горячий ужин и ночлег. Расплачивались за постой вяленой бараниной и шерстью (сунги не разводили скот). Мясо они запасали на зиму, а из шерсти пряли нить и ткали одежду – лёгкую, тёплую и удобную, с красивой необычной вышивкой. А ещё брали в оплату ножи мигрийской выделки. Сунг без ножа, это уже вроде как и не сунг вовсе.

Аборигены враждебности не проявили, отнеслись к пришлым спокойно, даже дружелюбно, но и уходить со своих земель, от своего Озера не собирались. Пионеры, уразумев, что место занято, отошли за лесной массив, что тянулся на восток, намереваясь построить там свой посёлок.

Сейчас вряд ли кто-либо возьмётся внятно объяснить причины нелюбви дарийцев к исконным обитателям здешних мест. Непокойные границы на западе республики, пылающее Поморье на востоке – в Даирии не привыкли к дружески настроенным соседям. Контакты случались всё больше на языке винтовок и пушек. Возможно, сработал стереотип мышления, а быть может, сказалась банальная враждебность к инородцам, незнакомым и непонятым. Как бы то ни было, стена недоверия и презрения, появившись с первых дней, не таяла, а лишь крепла с годами.

Постепенно сунги перестали появляться в Идиллии без крайней нужды, а жить в городе остались и вовсе единицы. Но отец Антона, Теофил Кросс, приехав сюда ещё во времена строительства кирпичного завода – молодым, здоровым, полным сил и желания заработать денег, – встретил как-то высокую, тонкую, с нежным личиком и огромными тёмными глазами девушку-сунгелу Милу. И влюбился без памяти.

Тео было наплевать, что о нём думают другие. Он взял Милу за руку и отвёл в храм. Святой Николас с высоты своей божественной мудрости спокойно смотрел на браки дарийцев с представителями других народов, и священник сочетал их браком по законам Церкви и Республики Даирия. К сожалению, пониманием того, что всё от Бога, и все людские расы от Бога, а браки совершаются на небесах, не обладали простые горожане.

Тео привёл избранницу сердца в барак. Где ещё мог поселиться копач с карьера? Привёл в маленькую комнатку с общей на всех кухней и нужником в конце коридора, и сказал:

– Здесь мы будем жить, любимая. Ты родишь мне детей, а я заработаю много денег. И мы построим дом. Большой и светлый. Уверен, всё будет хорошо.

Тео целыми днями пропадал в карьере, ворочая огромной тяжёлой лопатой глинозём. Господь не обидел его силушкой, да только платили за работу сущие гроши. Но сунгелу сразу же невзлюбили соседи-дарийцы. Кумушки презрительно смотрели на красивую чужачку, злословили за глаза, донимали мелкими пакостями. То соли подсыпят в кастрюлю с супом, то стирку устроят так, что застенчивой, робкой Миле не остаётся места простирнуть рубаху мужа. Мужчины тоже смотрели косо. И каждый взгляд – упрёк. Зачем ты здесь, чужая?..

Женщина терпела. Жаловаться она не привыкла – гордость не позволяла. Тем временем родился Антон.хлопот прибавилось, и всё чаще звучало в коридоре и на кухне «глянь, опять идёт эта, червивая...» «Червивыми» называли сунгов за характерную кожу, и не было прозвища обиднее для сыновей и дочерей маленького народа. Напряжение в бараке нарастало,

злость и раздражение на собственное тяжёлое житьё переливались в ненависть к красивой иноземке.

Кончилось всё грандиозным скандалом. Милу обвинили в покраже чужих продуктов, порче белья, ещё чёрти в чём, и Длинный Роб, детина необузданный и грубый, пригрозил выгнать «червивую» взащей вместе с её недоноском. И даже схватился за разделочный нож, широкий и острый...

Когда всё это случилось, на пороге появился Теофил.

В руке он сжимал дробовик устрашающего калибра, а через плечо перебросил патронташ. Ружьё держал стволами вниз, но так, чтобы одним движением можно было вскинуть оружие. Прямо в искажённую ненавистью физиономию Длинного. И сказал Тео, что если ещё раз кто-нибудь посмеет тронуть – хоть словом своим зловонным, хоть рукой грязной, а хоть даже и помыслом нечистым – его жену, быть ему в тот же миг в горних высях Святого Николаса. На Его суде.

Негромко вроде сказал, но веско, и с тех пор страсти вокруг Милы враз улеглись. Соседки замолчали и стали уступать место на кухне, отодвигать баки с бельём. Все знали бешеный нрав старины Тео, и все знали, что слов на ветер он не бросает.

Ант унаследовал характер отца. Если он считал, что так будет правильно, он брал и делал. И ох, как трудно было его тогда остановить. Невысокий, сухой и жилистый Антон не выглядел сильным бойцом. И мало кто знал, какой у парня внутри стальной стержень. Стержень этот можно было сломать, но невозможно согнуть. Он не боялся никого. Пусть противник будет старше и сильнее, пусть их будет несколько, – да хоть сам чёрт им в помощь! – если дошло до драки, он дрался.

Антон долгое время не принимали в компанию местных мальчишек. Барачники сторонились чужака, а на предложения дружбы отвечали насмешками. Это обижало парня, он хотел быть в команде. И однажды всё изменилось. Ватага собиралась на очередную разборку с извечными врагами – рыночниками. Или «капустниками», как их ещё презрительно называли. Те позволили себе лишнего в отношении девчонок с Бараков. По выходным в маленьком парке за зданием Муниципалитета играл духовой оркестр, там устраивали танцы. Приходила сюда публика чистая, приличная. Дерзаям с Задворок делать в таком месте было нечего. А вот молодняк, шкеты, в душе мечтающие со временем стать такими же взрослыми и крутыми, на танцульки заглядывали. Ничего зазорного в этом никто не видел.

Вот на танцах-то «капустники» и напортачили. Затеялись хватать девиц за непотребные места, тащили танцевать против воли. В общем – хамили. За такое наказывают. Собралась ватага, тут и подошёл Ант к мальчишкам – мол, возьмите с собой, обузой не буду. Но Красавчик Мик, парень высокий, сильный и наглый, правая рука самого Ласа Кривого, лишь сплюнул через губу – обойдёмся без червивых!

Реакция последовала мгновенно. Стремительным броском Ант кинулся на обидчика и вцепился ему в горло. Никто не ожидал ничего подобного, и сам Мик меньше всего. Он не удержался на ногах, повалился на землю. Драчуны покатались, поднимая тучу пыли. Красавчик колотил Анта руками и ногами почём зря – по спине, бокам, животу – куда мог дотянуться. Пытался стряхнуть с себя парнишку, но ничего не выходило. Ант вцепился в противника как клещ – намертво.

Лишь когда остальные ватажники заметили, что Мик начал синеть, задыхается, и не дерётся уже, а скребет руками землю, тогда только бросились они разнимать драчунов. Но удалось это не сразу. Втроём, немало попотев, мальчишки оторвали взбешённого Антона от жертвы. Лицо полукровки заострилось, глаза горели безумным огнём. Он порывался вырваться, выкрутиться из рук ватажников и завершить начатое.

Невдалеке стоял Лас и наблюдал за происходящим. Когда пыль улеглась, Антона отпустил, и он отошёл в сторону, отряхивая штаны и зло сплёвывая через зубы, а Мик ещё сидел

на земле, отхаркивая мокроту пополам с дорожной пылью и дико вращая глазами, вожак негромко сказал:

– Пацан пойдёт с нами. Нам такие нужны.

С тех пор за Антоном закрепилась кличка Клещ и было ему тогда всего двенадцать лет.

Едва Антону исполнилось пять, Мила родила братишку Марка, а ещё через два года сестричку Еву. Отец по-прежнему вкалывал в карьере, его повысили до помощника бригадира и стали платить чуть больше. Денег всё равно не хватало, семья жила бедно. Хоть и дружно, с верой в лучшее будущее.

Тео по десять часов в день распределял и подсчитывал вагонетки с глинозёмом, а вечерами, за скудным ужином мечтал, какой дом построит для своих близких. Мила хваталась за любую работу. Вот только не любили сунгов, не всякий давал даже подёнщину. Но и сунгела не сдавалась: там постирать людям возьмётся, там помыть и убрать. Внезапно пришла мода на сунгские узоры, вышитые бисером на женских шляпках. Появились заказы, за них платили. Мама ходила счастливая, таких мастериц национальной вышивки больше не было во всей Идиллии.

Антон тоже не оставался в стороне. Едва подрос и окреп, принялся подрабатывать на рынке – таскал тяжёлые мешки в овощных рядах, потом свиные туши у мясника. Днём, во время работы всякие пацанские разборки отменялись, гнул спину наравне со вчерашними противниками. Но дружить с «капустниками» – никогда не дружил. Оставались они злейшими врагами барачников. А позже Анту повезло, взяли помощником в кузницу. Работа была тяжёлая, но платил кузнец Трей неплохо. По меркам подростка Антона, понятно.

Вот только раздражал младший брат. Марк рос хитрым и жадным. И ленивым. Пока Ант раздувал меха в кузне, брал в руки молот, – ещё не самый большой и тяжёлый, но уже средний, – Марк не желал делать ничего. Не хотел даже помочь матери по дому или последить за сопливой Евой. Он часами готов был рассматривать старые журналы, которые доставал бог весть где: решал головоломки, раскрашивал картинки. Но больше всего ему нравились карточные фокусы на последней странице. Как-то отец для потехи подарил ему колоду карт, и с тех пор он только и делал, что возился с потёртыми листками.

Зато, если мама приносила что-нибудь вкусненькое, тут брат был первым. Бывало, отхватывал кусок у младшей сестрёнки и утаскивал, прятал под матрасом. За это неоднократно был бит Антоном, но выводов не делал. Становился только осторожнее и хитрее.

Антон к тому времени чувствовал себя уже мужчиной: по-взрослому махал молотом в кузне, приносил деньги в семью. Не по-детски разбирался с ватажниками из других районов. Тонкий в кости и гибкий (сказывалась примесь сунгской крови), он незаметно наливался силой, становился быстрым и резким, словно удар бича. Красавчик Мик, ставший после драки, как это нередко случается, лучшим другом, показал несколько приёмов. Да и сам Антон тренировался. Увидев в одном из журналов брата тренажёр, смастерил себе такой же и поставил за бараклом. Научился бить не только сильно, но и хлётко. Ударом кулака ломал дюймовую доску.

Ант несколько раз пытался пристроить Марка к чему-нибудь полезному, но ничего путного не получалось. Более того, помогая однажды булочнику разносить заказы, брат умудрился слопать несколько булочек, и не только не заработал, но ещё и остался должен. Ну его, такого работничка, махнул рукой Ант.

Зато сестрёнку очень любил. Днём, когда был свободен, кормил Еву, мыл ей попку, играл в её незатейливые игры. Девчушка подрастала красивенькая и здоровенькая, и все в окружающих бараках знали, что не стоит обижать маленькую полукровку. Вот так крикнешь ей вдогонку «сунька!», или, не дай Святой Николас, «червивая», а через час придёт Ант Кросс по прозвищу Клещ и спросит с нехорошим прищуром: «Ты кого сегодня червивой назвал?»

И маму Антон любил. Её улыбку, добрые руки, её глаза, будто наполненные особенным светом. Сказки её сунгские, древние легенды о великих вождях и наделённых необоримой волшебной силой шаманах. Когда мама их рассказывала, Ева замирала у неё на коленях и слушала с открытым ртом. Даже Марк приползал, бросив свои карты. Правда, больше ухмылялся, но всё равно слушал с интересом.

Мама говорила о древнем искусстве сунгских шаманов изготавливать талисманы, и будто одни талисманы могли показать будущее, а другие позволяли начать жизнь сначала.

– Как это? – спрашивал Ант. – Вот я, например. Прожил уже почти четырнадцать лет, чему-то научился, завёл и друзей, и врагов, как положено мужчине. И куда теперь всё это девать? Забыть, и начинать сначала?

– Ты ещё молод, Анти, – ласково улыбалась мама. – Тебе трудно представить, как часто люди жалеют о совершенных поступках. И будь их воля, они обязательно сделали бы всё по-другому, лучше. Но жизнь не даёт им такой возможности, и тогда приходится расплачиваться за собственные ошибки. Порой многие годы, а иногда и всю жизнь...

– А как узнать будущее? – спрашивал более практичный Марк. – Вот заглянул я и увидел, что стал богачом. И всё у меня есть. Тогда – что? Можно ничего не делать, а лежать на топчане и ждать, когда придёт это время?

– Ага, – похохатывал Ант, – заглянул братик в будущее, а там он как лежал на койке, нищий и голодный, так и лежит! Балда! Богатство, его ещё заработать нужно, умом своим и трудом...

– Правильно, Анти, – соглашалась мама. – Без упорного труда никакое богатство само по себе не появится. Жизнь свою человек строит сам, своими руками. Но иногда подсмотреть, что там впереди? – какие трудности, опасности? – это ведь так заманчиво! И это возможно. Так, во всяком случае, говорили наши шаманы. Всякое знание можно использовать. Знание и есть первое богатство человека. Главное, чтобы направить его во благо.

– Вроде как подглядеть? – хитро шурилась Ева. – Но ведь подглядывать нехорошо, ты сама говорила.

Тут мама принималась смеяться, и выяснялось, что этих талисманов у неё всё равно нет. Да и видел ли их кто?.. Но как-то раз надела Мила Антону на шею маленький медальон – металлический кружок размером с мелкую монетку и едва заметным сложным орнаментом по краю, а внутри каплевидный камешек оливкового цвета, того самого, что придавал столь своеобразный оттенок коже сунгов. Надела и рассмеялась – на удачу! Это не талисман, сынок, нет, просто на счастье...

А скоро её не стало. Говорили, Мила шла с рынка и попала под копыта лошади. Умерла сразу, не мучилась, приговаривали сочувственно кумушки-соседки и скорбно качали головами. А Анту хотелось взять отцовский дробовик. Как ненавидели они маму при жизни! Отца боялись, но за спиной всё равно шушукались. И за что?! За то, что мама – сунгела, человек другой крови?! Да она была в тысячу раз добрее, умнее и лучше их всех!..

Непроизвольно сжимались кулаки.

Плакала маленькая Ева, коротким своим умишком ещё не всё понимая, но чувствуя – в дом пришла большая беда. И так как раньше, уже никогда не будет.

Марк прятался под кроватью, поскуливая, а отец будто закаменел. Он похоронил жену, ходил на работу в карьер, двигался, ел, вечером ложился в постель (с появлением детей комнатушку перегородили, разделив на родительскую и детскую половины), но делал всё это как заводной. Он не плакал, даже на могиле, во время похорон не плакал, но и не произносил ни слова. И никто больше не видел его улыбки.

Чуть позже Ант узнал подробности. Рябому Твисту, сыну рыночного управляющего и атаману «капустников», отец подарил дорогого скакуна и новую двуколку. Автомобилей тогда

в Идиллии почти не встречалось, были они только в Муниципалитете и Жандармерии. Таким образом, подарок считался царским. Но лошадь была не объезжена, а Твист – никудышным наездником. Тем не менее, юнец гарцевал по улицам городка, кое-как справляясь с управлением. Кому-то повезло, успел вскочить прямо из-под копыт. А мама не успела.

Жандармы заводить дело не стали, мол, несчастный случай. Все понимали, что главную роль здесь сыграли деньги господина управляющего. Но и протестовать никто не посмел. Да и то сказать, ну погибла какая-то сунгела. Что ж теперь, бучу поднимать, самому подставляться?! Все знают, какой вес в обществе имеет господин главный управляющий городского рынка...

И когда через несколько дней Лас Кривой кинул клич, дескать, рыночники совсем обнаглели... И дело даже не в пирожках Козьявки – хотя и это им тоже зачтётся! – а в том, что метят эти уроды подмять под себя Бараки! Сделать своей территорией, и думают, что им это дозволено! Когда прозвучали эти гневные слова, Антон первый поднял руку и крикнул: «Ломаем!»

К тому времени он уже был в авторитете. Делом доказал своё право поддержать или не поддержать жоака: в жестоких уличных драках, в первых рядах, когда ходили стенка на стенку. И если противник наседает со всех сторон – отбивался от двоих, троих нападающих сразу. Именно Анту принадлежал девиз: на других не надейся, своих не бросай, всегда иди до конца.

Да, он был в авторитете и поднял руку. Поднял руку Красавчик Мик, а затем и все остальные. Над ватагой пронеслось на едином дыхании – ломаем!

Лас кивнул и повёл мальчишек.

Схлестнулись у карьера, с той стороны, где не проводили выработку. Рыночников было больше, но барачники были злее. Драка стенка на стенку – дело страшное. Тут и пруты могут появиться в руках, и кастеты, цепи от погрузчиков, даже ножи. Бывало, кончалось синяками и оторванными рукавами рубашек, а бывало – пробитыми головами, ранениями, кровью.

Неизвестно, как бы всё сложилось на этот раз, но Ант рвался к Рябому Твисту. И пробил, конечно. Закончилось это для сына господина управляющего страшным, отработанным ударом в висок. Ант бил не для того, чтобы причинить противнику боль. Не для того даже, чтоб оглушить и сбить с ног. Ант хотел убить.

Всегда иди до конца.

Лишь мёртвый главарь повалился на землю, драка как-то быстро прекратилась сама собой. Ватажники сгрудились вокруг труп Рябого и долго смотрели на бездыханное тело. Потом все разом рванули врассыпную...

К вечеру, ещё не стемнело, прибежал отец, сказал:

– Собирайся. Быстро. Через десять минут здесь будут жандармы. Идут за тобой.

А сам уже совал в руки заплечный мешок. В мешке половина краюхи хлеба, кусок солины, кое-что из одежды.

– Дед Архип на станцию отвезёт. На бричке своей. Да не мимо завода езжайте, там сейчас жандармов полно, а вокруг карьера. Ну да он дорогу знает. Ночью поезд на Дубостан, товарный. Дед договорится, тебя посадят на платформу. – Он положил руку на плечо Анта и заглянул в глаза. – Это всё, что я могу, сынок.

Антон только кивнул, его душили слёзы.

Ночью, спрятанный в хитрой норе на товарной платформе с кирпичом, оборудованной контрабандистами, он покидал родной городок. Что ждало его впереди, когда сможет он вернуться, обнять отца и брата с сестрой? Оказалось, через долгие четырнадцать лет...

Прощально и тоскливо прогудел паровоз.

Глава 3

Он никогда не писал писем домой. И не потому, что в Идиллии не было почты, или Антон не знал грамоты. Спасибо маме, уговорила ходить в школу при храме. Когда душа Клеща рвалась на улицу к ватажникам, Антон Кросс сидел за столом с ручкой в руках, выполняя обещание, данное матери. Эх, мама, как хотелось бы сейчас увидеть тебя! Почувствовать на волосах тёплую ладонь, услышать негромкий голос...

И всё же он не писал домой. Вначале боялся, потом жизнь так закрутила, что многое попросту выветрилось из головы.

Дубостан – большой, старинный, красивый город. Центр застроен трёх- и четырёхэтажными домами с барельефами, лепниной, колоннадами и эркерами. Тогда мальчишка из провинции и слов таких не знал, но первое время бродил по улицам и проспектам с широко распахнутыми от восторга глазами. После убогих бараков рабочего посёлка и трущоб Задворок он словно попал в другой мир.

Величественная статуя первопроходца и первого губернатора Южного округа Далия Барбера, что высилась на центральной площади перед Городским Советом, поразила его воображение. Толпы пешеходов на тротуарах, богатые экипажи, и даже автомобили, что было тогда вовсе уж в диковинку, витрины дорогих магазинов и огни шикарных ресторанов по вечерам... Ант потерялся во всей этой сутолоке и кутерьме. Ветер свободы кружил ему голову, он почувствовал себя жителем большого города, гражданином вселенной! Но порой накатывала тоска. Одиночество среди мелькающих огней и людского столпотворения чувствовалось острее. Здесь каждый был за себя, а он – никому не нужен.

Но была у города и другая сторона, непримечательная. Кварталы бедноты с мрачными и сырыми доходными домами и свалки мусора, кишасшие крысами. Рабочие комбинатов с серыми, смертельно усталыми лицами. Бездомные бродяги, построившие себе лагерь из лачуг и временок на северном выезде из города. Нищие калеки и вороватые побирушки, выпрашивающие на улицах подаяние.

Дубостан встретил маленького беглеца неласково. Здесь не обращали внимания на прирост сунгской крови в жилах, здесь вообще мало что имело значение, кроме наличия денег в кармане. А их-то как раз у Антона и не было. Поэтому на празднике жизни Анта никто не ждал, зато изнанка города распахнула свои объятия. Восторг постепенно таял, как снег по весне. Нужно было приспособливаться.

Ночевать пришлось на чердаках, в подвалах и заброшенных домах. Стояла ранняя осень, ночью было уже прохладно, но это не смущало беглеца. Заработать же на хлеб – на стройке или грузчиком на складе – он мог всегда. Документов никто не спрашивал, платили за выполненную работу без обмана. Стайки бездомных и вечно голодных подростков сновали по городу, организуясь во временные ватаги. На первых порах Ант их чурался, боялся, что его разыскивают. Старался меньше показываться в людных местах, назывался разными именами. Но постепенно понял: найти его в мутной водичке городского дна, среди тысяч таких же неприкаянных мальчишек практически невозможно.

Он стал спокойнее. Запоминал районы, где давали работу, познакомился кое с кем из постоянных обитателей улиц. К концу осени вокруг Анта, который назвался Клещом, сплотилась небольшая команда таких же брошенных, никому не нужных пацанов. Вместе рыскали по городу в поисках заработка, вместе потом покупали на вырученные деньги еду. Вместе искали место для ночлега. Можно сказать, сдружились.

Но помимо безнадзорной детворы, в городе рыскали стаи хищников постарше. Молодёжные банды, мечтающие стать со временем настоящими дерзаями, взять в свои руки серьёзное

дело: торговлю «чёсом» и «Драконом», оружием и проститутками. Во взрослые компании их пока не брали, но подрастающие бандиты верили в своё будущее и готовились.

В Асхее с давних пор выращивали травку, покулив которой, человек испытывал небывалое блаженство. Отступали все невзгоды, курильщик чувствовал себя счастливым словно в детстве, когда вся жизнь впереди и обещает она так много интересного и доброго. Но лишь только действие наркотика заканчивалось, счастье оборачивалось чёрной тоской, полным упадком сил и нежеланием жить. И человека вновь неодолимо тянуло набить трубку «чёсом». Так называли этот дурман за то, что без дозы наркоман испытывал сильнейший кожный зуд, чесался не переставая.

Вторым контрабандным товаром был «Большой Дракон», водка, настоянная на желчи редких пустынных змей из Химей. «Дракон» был единственным продуктом, способным приносить деньги этой нищей стране. В небольших дозах настойка вызывала небывалый подъём сил, удивительную выносливость и нечувствительность к боли. Однако пить её можно было лишь раз в день, делая один-два глотка. Только очень сильные люди могли рискнуть приложиться к настойке дважды, однако дальнейшее питание грозило беспамятством, судорогами и скорой мучительной смертью. Те, кому повезло выжить после такого, лишались рассудка.

В обмен на наркотики асхеи вывозили пули, порох и ружья. Ханства постоянно враждовали между собой и нуждались в большом количестве оружия. Шло время, и хан Абдул, славившийся своей беспощадностью и жестокостью, благодаря дарийским ружьям и пушкам объединил ханства в единый Каганат, а Верховным Каганом назначил себя. Но мир и благоденствие в южных пределах не наступили. При дворе правителя продолжались заговоры и интриги, а за стенами дворца – восстания и междоусобные войны. Поэтому хорошее оружие оставалось здесь самым желанным товаром. Вся разница заключалась лишь в том, что порох и мушкеты сменили магазинные винтовки и патроны, гранаты и пулемёты. В ответ с той стороны Степи увеличивался поток «чёса» и «Дракона». Спрос на тончайший шёлк и редкое вино давно упал.

Вот каким товаром собирались торговать подрастающие дерзаи, уже не волчата, но ещё и не матёрые. И потому особенно опасные: ведь нужно точить клыки, доказывать ежедневно свою лихость, забирая чужие жизни легко, без сожаления. И однажды они встретились – маленькая рабочая бригада Антона и парни из бандитской группы. Встреча была неизбежна.

Мальчишки как раз закончили работу – помогли разгрузить уголь у котельной. В этом районе селились по большей части чиновники и торговцы средней руки. Жильё строили поменьше и поуютнее, на несколько домов полагалась котельная. Вот котельщику мальчишки и помогали. За небольшую денежку. И только отошли, подсчитывая выручку и прикидывая, что купить на ужин, как сзади послышался резкий свист.

Их было четверо. Рослые, сытые, спокойные и уверенные в себе. Все старше Антона и его приятелей на несколько лет. А их – шестеро мальчишек, худых, голодных, привыкших не драться, а покорно получать пинки и терпеть, или удирать, когда совсем не вмогуту.

– Эй, шкеты, идите сюда.

Впереди вышагивал высокий парень с резкими, отталкивающими чертами лица и развязной походкой уличного задиры. Лидер, определил Ант. Он давно выучил нехитрую стратегию уличных драк – уложи на землю самого сильного и дерзкого, и остальная свора разбежится. Среди подростков это, во всяком случае, работало.

Мальчишки жались сзади, произвольно выталкивая Антона вперёд, выставив его вожаком их маленькой компании. Он был не против, сам выдвинулся.

– Выворачивайте карманы, – прогундел высокий. – Показывайте, сколько набашляли.

– Это наши деньги, мы их заработали, – твёрдо ответил Ант.

– А здесь мой район, – ухмыльнулся высокий. – Половину того, что зарабатывают шкеты, положено отдавать.

– Это наши деньги, – упрямо повторил Антон, глядя на высокого исподлобья.

– Для тех, кто не понимает по-хорошему, мы умеем объяснять доходчиво. – При этом местный вожак продолжал идти, не сбавляя хода. Товарищи его чуть отстали.

Антон шагнул навстречу. Что будет дальше, он понимал отлично, а решительность всегда ценилась в его кругах. Не произнося больше ни слова, и дождавшись, когда противник приблизится, он лёгким подшагом резко сократил дистанцию и выстрелил кулаком высокому в нос. Послышался характерный хруст – готово, нос сломан.

Высокий упал, закрывая ладонями окровавленное лицо. Ант передвинулся, показывая всем своим видом – кто следующий? Обычно вид поверженного предводителя действовал на остальных драчунов деморализующе: они терялись, воинственность их резко снижалась. И мало кто отваживался идти на противника, срубившего главаря только что, у них на глазах. Но в этот раз всё было по-другому.

Не обращая внимания на павшего товарища, остальные трое развернулись цепью. У одного оказался в руке нож, у другого блеснул на кулаке кастет. Не тратя время на слова, молодые дерзай бросились на пацанов.

Трое самых младших кинулись наутёк сразу. Поль, десятилетний мальчуган, сходу получил удар кастетом в голову, упал и в дальнейших событиях не участвовал. Двое повисли на том, который был с ножом. Ант схватился с другим, вцепился в него клещом, как это делал раньше. Прижал так, что тот захрипел. Но уже подбегали остальные двое – с окровавленным оружием в руках, готовые на всё.

Ант отпустил придушенного врага, ушёл переворотом. Под руку попался металлический прут. Он встал один против троих. Двое мальчишек, ставших против ножа, лежали без движения, но Поль ещё шевелился. Ведь своих не бросают! Ант начал смещаться по кругу так, чтобы против него постоянно оказывался только один нападающий, и чтобы он заслонял проход остальным. При этом Антон не забывал размахивать прутом, не подпуская дерзавых близко.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, не раздайся вдалеке жандармский свисток. Парни моментально подхватили своего длинного вожака и скрылись в подворотне. Антон взвалил на плечо Поля и потащил его на другую сторону улицы. Остальным уже не помочь. В Идиллии Ант видел мальчишек, убитых в потасовках, и мог отличить смерть от жизни на расстоянии. На пыльной мостовой остались два окровавленных, тщедушных тела.

В рваной рубаше, весь в синяках и ссадинах, Антон тащил Поля к ближайшему лазарету. Знал, тот недалеко, быть может, мальчишку можно ещё спасти. Тащил проходными дворами и глухими переулками, избегая людных улиц. Поль был без сознания, голова безвольно болталась, ударяясь о плечо. Наконец, показалось здание с красным крестом на фасаде. У въезда стояла карета скорой помощи, рядом копошились санитары.

– Дяденьки, дяденьки! – заполошно закричал Ант. – Другу бревно на голову упало! Умирает!

Санитары удивлённо обернулись. Антон, не переставая лопотать что-то про стройку, про друга, про тяжеленное бревно, с разбегу свалил на ближнего санитаря Поля, пребывающего в беспамятстве. Тот машинально подхватил тело:

– Э, парень, да что с ним?!

Но увидел кровь, смертельную бледность лица. Подал знак второму, появились носилки. Пока санитары склонились над пострадавшим, Ант юркнул в сторону и припустил от лазарета во все лопатки. Отвечать на вопросы врачей, а тем более жандармов, ему совершенно не улыбалось. Помогите, Святой Николас, рабу твоему Полю!

Потеряв бригаду, обозлённый и потерянный, два дня он бродил по городу. Ничего не ел, спал, где придётся. Свобода, возможность ни от кого не зависеть оборачивалась другой стороной. Помощи попросить было тоже не у кого. Покрутился у места драки, услышал оханья кумушек – двух мальчишек зарезали насмерть, посреди бела дня! Куда смотрят жандармы?!

До этого ещё теплилась надежда, что ребята ранены, и кто-то сердобольный вызвал помощь. Теперь всё стало понятно, и он отправился к рынку. У цыгана, за деньги, что заработала компания в последний раз, купил нож. Длинный и острый, с деревянной ручкой. Цыгане делали их сами и продавали не задорого.

– Обращаться-то с такой штукой умеешь? – усмехнулся немолодой продавец в шляпе и жилетке.

– Сумею, – твёрдо ответил Ант.

– Ого, да ты серьёзный парень, как я погляжу, – прищурился цыган. – И нож тебе нужен не окорок резать. А ну, иди сюда...

Он отвёл Антона на пустырь за рынком, и показал: как правильно держать оружие, прятать в рукаве, как наносить удар и как уходить от нацеленной в тебя стали.

– Если противник вооружён, не пытайся его достать, следи, чтобы он не достал тебя, – учил цыган. – И на уходах режь ему руки, бедра, грудь или бока – что окажется ближе. Пусть из порезов течёт кровь, а ты продолжай танцевать вокруг. Скоро он ослабеет, тогда и добьёшь без труда. А если оружие только у тебя, обнимай врага как родного брата, сковывай ему движения, а сам бей, бей вблизи – в живот, в грудь. И помни, вытаскивать клинок нужно резко, с той же силой, что и наносил удар...

Показал всего несколько приёмов, остальное мальчишке предстояло осваивать самому.

Он освоит. Всё нужно доводить до конца, это Ант усвоил накрепко ещё в Идиллии.

Теперь Антон сосредоточил внимание на месте встречи с молодыми бандитами и прилегающих улицах. Длинный вожак сказал, что это его район, значит, обидчики должны быть где-то здесь. Да не просто обидчики – убийцы. Ходят по этим мостовым, собирают дань с мальчишек, следят, что происходит нового на территории. На Задворках старшие дерзаи обычно сидели в обжорках, руководя оттуда своими бойцами. Так делали и здесь, Антон это заметил, и продолжал кружить по району. Его враги более походили на солдат бандитского мира, чем на генералов, или хотя бы полковников. Значит, раньше или позже он их встретит.

Так и случилось на следующий день – между домов, в пустынном месте. Их было трое: вожак с повязкой через нос, и ещё двое. Антон запомнил всех, потому вмиг определил – отсутствует тот, с которым он катался по земле. Видно, прищемил он врага неплохо, зализывает раны. А те, что орудовали ножом и кастетом – убийцы его друзей – вот они, здесь. Дерзаи что-то выясняли между собой, не обращая внимания на окружающее.

– Эй! – крикнул Ант. – Вот я и нашёл вас, подонки!

Три головы повернулись к нему, три пары глаз с удивлением уставились на наглого мальчишку. Первым Антона узнал вожак:

– О, кочегар пожаловал. Деньги принёс?

Антон шагнул ближе и левой рукой (в правом рукаве был спрятан клинок), пальцем, чуть подрагивающим от возбуждения и ненависти, указал на того, который в прошлый раз орудовал ножом.

– Ты убил моих друзей! – выкрикнул он, голос предательски дрогнул. – И ответишь за это!

– Да хоть прямо шас, шкет, – усмехнулся парень и двинулся к Антону.

Руки его были пусты, но сам он выглядел крепким, коренастым, уверенным. И конечно, не принимал пацана всерьёз. Остальные с любопытством наблюдали за развитием событий.

Дальше всё произошло молниеносно. Длинным прыжком Антон настиг врага, левой рукой намертво обхватил его за шею. Тот не ожидал подобной прыти, не пригнулся, не выставил руки, но когда Ант повис на нём, точно так же сомкнул захват на шее Антона. И сдал неожиданно сильно.

Дыхание перехватило, ещё чуть-чуть, и пойдут тёмные круги перед глазами. Прямо перед собой Ант видел ненавистную, ухмыляющуюся физиономию врага, но в правую кисть уже

скользнула из рукава деревянная рукоять ножа. Удар пришёлся дерзаю в живот. А потом ещё – удар! удар! удар! – как учил цыган – сильно и резко, выдёргивая клинок с той же силой, что и бил! На руку брызгало чем-то горячим...

На лице парня проступило недоумение, быстро сменившееся выражением боли и ужаса. Но Ант всё бил и бил, пока захват на шее не ослаб. Только тогда Антон – разгорячённый, тяжело дыша, весь в чужой крови – отвалился от противника. Дерзай рухнул. Ноги его судорожно подёргивались, он пытался сказать что-то, но из горла вырывался только хрип. Вокруг быстро наплывала тёмная лужа.

В тот же момент перед Антоном вырос другой, тот, что в прошлый раз был с кастетом. И опасная железяка опять тускло отсвечивала на кулаке. И кулак этот без заминки полетел Антону в голову. Но он уклонился, ушёл, успев чиркнуть дерзая клинком по предплечью. Рукав окрасился кровью...

Дерзай выругался, попытался ударить ногой, но Ант пропустил летящий башмак и вцепился в штанину, а следом сильно резанул противника под коленом и оттолкнул. Тот отшатнулся, но стать на покалеченную ногу уже не смог. Перерезанные сухожилия не держали, нога подламывалась.

Антон бросился вперёд, сделал ложное движение, как учил цыган, крутанулся и оказался сбоку от раненого врага. И уже отсюда, с удобной дистанции несколько раз вонзил клинок ему в поясницу. Усатый учитель говорил: почки – очень ранимый орган. Кровь изольётся вовнутрь, снаружи вроде ничего и не заметно, а человек падает бездыханным. Как прав ты был, незнакомый цыган.

– Это тебе за Поля! – выкрикнул Антон.

Всё это время вожак стоял поодаль, холодно наблюдая за происходящим. Он не делала попыток помочь товарищам или помешать Антону, и теперь оба члена его банды лежали в лужах крови. Ант рывком обернулся к последнему врагу. В лицо ему уставилось дуло револьвера. Жуткий тёмный провал, ведущий в бездну.

Руки опустились сами собой. Тело дрожало в ожидании выстрела, удара пули, боли и смерти. Но вместо этого прозвучало:

– Охолонись, пацан. Убери нож. И оттащи эти туши в кусты, нечего им валяться посреди дороги. Фу, кровищи сколько, словно со свиней...

Ант ничего не понимал. В смятении он выполнил всё, что ему приказали. Таскал мёртвые тела как автомат – не думая и не чувствуя ничего. В груди звенела противная пустота. А когда вернулся к длинному, револьвера в его руке уже не было.

– А ты прыткий парень, – усмехнулся тот. – Завалить двоих бычков в одиночку, да так ловко! Не бойся, я тебе за них мстить не буду. Отработанный материал, мусор. Возомнили о себе, дьявол знает что, начали требовать денег. Я тебе так скажу, – дерзай доверительно нагнулся к Анту, – если бы не ты, мне пришлось бы избавляться от этих подонков самому. А так... Меня зовут Кирк Багровый. А тебя?

– Клещ, – назвался Антон привычно.

– Ты мне нравишься, Клещ, – продолжал Кирк. – Мне нужны отчаянные ребята. Живёшь-то где?

Антон промолчал в ответ.

– Ясно, – кивнул собеседник, – значит, бездомный. Вот что, пошли со мной, Клещ. Хватит бегать с малолетками, мешки таскать да уголь грузить. Будешь меня держаться, будет тебе и кусок хлеба к обеду, и стопка водки к ужину, и тёплая постель на ночь. Осень на дворе. Скоро холода наступят, бродягам туго придётся. Жандармы их, обмороженных, пачками хватают – и в кутузку. А со мной при деле будешь. Не раздумывай, ничего лучше всё равно не придумаешь.

И не оглядываясь двинулся вдоль по улице, уверенный, что мальчишка пойдёт следом. И Антон пошёл. Кирк по кличке Багровый был начинающим, но уже жестоким, хватким и

известным в определённых кругах молодым дерзаем. Ант этого знать не мог, но куда ещё было идти?

По пути встретила колонка артезианского колодца.

– Обмойся, – буркнул Кирк, не оборачиваясь, – а то как со скотобойни...

Для Антона началась новая жизнь. Банда Багрового состояла из десяти человек, включая главаря. Двоих Ант убил, зато сам влился в ряды банды, стало девять. Но и этого было достаточно. Район, где промышляли «багровые» не считался ни богатым, ни престижным. Меж доходных домов попадались лишь торговые конторы и недорогие магазины.

Лакомым кусочком считалась автомастерская. Автомобилей в те времена было мало, и стоили они дорого, но рука об руку с мастерами работали угонщики. Пригоняли краденые авто, перекрашивали, меняли номера на кузове и двигателе, потом сбывали. Дело было поставлено крепко, находилось под контролем серьёзных паханов и чужих сюда не подпускали.

Но и бригаде Кирка хватало работы. Торговцы с лотков, мелкие лавочники, хозяева магазинов попроще, которые не могли позволить себе охрану и не имели могущественных покровителей, все они платили дань Багровому. И это только легальные точки. А были ещё карточные шулеры, мелкие жулики, барыги, карманники. Все они отдавали долю с добычи. Члены бригады, когда по двое, когда по трое ходили от точки к точке, от притона к притону. Но и Кирк регулярно передавал деньги наверх, старшим дерзаям – паханам. Однако не забывал он и своих парней – каждый вечер выдавал заработок звонкой монетой.

Скоро выяснилась ещё одна подробность. В Дубостане, как и в Идиллии, банды из соседних районов время от времени вторгались на чужую территорию с целью поживиться. И тогда приходилось доказывать своё право. Дрались куда жёстче, чем в родном городке Антона. В ход шли клинки, цепи, нередко звучала пальба. Клещ не расставался со своим цыганским ножом. Напарником его стал Толстяк Вит. Парню было лет девятнадцать, и выглядел он действительно толстоватым и рыхловатым увальнем. Но так только казалось. В драке Вит становился стремительным и непредсказуемым, мастерски орудовал любимым оружием – гирькой на цепочке. Толстяк умел точно попасть своим снарядом в висок врага, или захлестнуть цепь на его шею и удушить в считанные секунды. Решительности и жестокости ему было не занимать.

Стычки случались часто. Порой сами «багровые» заходили на чужой район, пощипать тамошних торговцев и барыг. Такие походы обычно оканчивались потасовкой, но команде везло, из кровавых махаловок парни выходили победителями. Синяки и ссадины не в счёт. Зато вечером, когда распахивались двери пивных и обжорок, переходивших в режим ресторанчиков, начиналась совсем другая жизнь. Хмельная, разгульная, где нет отказа ни в чём. Молодые дерзаи вели себя в заведениях нагло, требовали водки и закуски от пуза, гулял на всю катушку. И никто не смел поперёк слова сказать. А и попробовал бы! Сразу – кастетом по черепу, цепью по хребту, гирькой в висок! Хозяева обжорок обслуживали компанию в первую очередь.

Заканчивался вечер, как правило, в борделе.

Промелькнул остаток осени, наступила зима. Антон прикупил приличный полушубок и тёплые сапоги, монеты теперь водились. Думал написать домой, отправить денег, но поостерёгся. Вдруг в Идиллии всё ещё разыскивают Антона Кросса? Решил сделать это позже. Быть членом уличной банды ему не слишком нравилось. Драться он никогда не боялся, в искусстве этом преуспел, и это оценили. Но не так виделось собственное будущее, не в постоянных драках и выжимании денег из торгашей. Хотелось чего-то другого, а чего, он пока не знал сам.

В то же время Кирк помог снять приличную комнату, заплатив вперёд. Представил Анта ребятам, назвал своим парнем. А своих не бросают. Антон чувствовал себя должником, пацанские понятия не позволяли просто повернуться и уйти. Да и куда, снова на чердаки? По холодам? Тем более, все знали, кто завалил тех двоих, и хоть Багровый объявил, что всё, дескать, по

понятиям, мол, ребята крысятничали, за что и поплатились, но Антон как бы занял их место. Всё это привязывало его к банде, выхода он не видел.

Может, так бы и тянулось – уличные приключения, вечерние попойки, доступные девки на ночь, – пока однажды Кирк не собрал бригаду для важного сообщения.

– Виделся с Апостолом, – начал он без предисловия. – Есть новая тема. Налоги собираем как прежде, но теперь назначим каждой точке свой день и час. Чтоб ханыга монету приготовил, а боец пришёл и забрал. А главным теперь будет другое дело. Нам отделили ручеек от «чёсового пути». Объекты сбыта – гимназия и парк, где трутся студенты университета. Будем продавать дурь там.

– Дурь – делянка Торопыги Макса, – возразил Тягач, невысокий, но кряжистый парень, обладающий фантастической физической силой. – Его компании такое вряд ли понравится.

– Я же сказал – приказ Апостола! – окрылся Багровый. – Значит, паханы так решили. А Максу намекнут, чтоб подвинулся. Не поймёт, образумим.

Апостол был одним из верхних дерзав. Антон не слишком разбирался в иерархии бандитского Дубостана, но кличку эту слышал. Произносили её всегда с уважением.

– Разделитесь на пары, кто куда пойдёт – договоритесь сами. Товар будет завтра, тут же и приступайте.

– «Чёс» – совсем другая статья, Кирк, – встрял Клык. Он был в банде давно, имел право голоса. – Жандармы в стороне не останутся. Одно дело собирать дань, они с этого свой профит имеют, другое дело наркота. Возьмут – не отберемся.

– Всё схвачено, – усмехнулся вожак. – Не только жандармы в курсе, в Горсовете, если нужда придёт, словечко замолвят. Отмажут. Но и вы не будьте кроликами. Похитрее работайте, с оглядкой. Деньги на дороге не валяются. Вспомните, как продавец с Песочного бульвара встретил Столба с Косым картечью! Здорово было?! А тут к вам нарики сами побегут, умолять будут, на коленях ползать, лишь бы продали дозу.

Парни задумались, крутили головами, толкали друг друга в бока: «Ты как?» – «А ты как?»

– Вопрос не обсуждается, – поднажал Кирк. – Пора выходить на новый уровень. Травка, это большие деньги. Очень большие. Вперёд, ребята.

Антон стал в паре с Толстяком Витом. Привык уже к парню, да и прикрывали один другому спины в драках. Такое не забывается. Багровый выдал пакеты из вощёной бумаги, назвал расценки. В пакетах лежала жёлто-бурая высушенная трава, похожая на табак. Но лишь похожая, с необычным пряным запахом. Получив свою долю, они направились к парку. Уговорились, что дурь будет у Антона, а Вит поищет клиентов. Он, дескать, уже занимался подобным, ему сподручнее. И добавил: «А ты, Клещ, в случае чего, делаешь ноги. Товар дороже».

Несмотря на зимнее время, жизнь здесь кипела. Работал каток, по льду кружила на коньках молодёжь. Да и гуляющих в заснеженном парке, по лёгкому морозцу оказалось немало. В основном это были юноши и девушки из университета. Они громко смеялись, лакомились горячими пирожками с лотков. То затевались играть в снежки, то вдруг гурьбой направлялись к замёрзшему пруду. Весёлые компании то и дело пробегали мимо, вызывая у Антона лёгкую зависть. Сложись всё по-другому, он с радостью присоединился бы к ним. Да куда уж, с пакетами за пазухой...

Однако Толстяк был иного мнения. Он пришёл сюда ради дела, продавать товар, работать. Скоро он присмотрел группу ребят, примерно своих сверстников, и подошёл к ним, затеял разговор. Послышался здоровый гогот, а ещё через пять минут Вит вернулся и негромко сказал: «Давай два пакета». И отнёс их студентам. Начало было положено.

В первый день работали по этой схеме и продали больше половины товара. Однако Кирка результат не удовлетворил:

– Вы должны продавать всё, что я вам даю. Это – дневная норма. Старайтесь лучше, ребята, а то останетесь без премиальных.

Через несколько дней к Виту начали подходить сами: мальчики и девочки, розовые с мороза, улыбающиеся. И Толстяк щедро отсыпал им «счастья» за родительские деньги. Но вскоре Антон увидел завязтого наркомана. Зрелище это потом часто вставало перед глазами, вызывая чувство жалости и омерзения одновременно. Парень походил на живой скелет, был худым настолько, что казалось кожа – серая, нездоровая – натянута прямо на кости. На шее и руках краснели расчёсы, которые сочились мутной, зловонной сукровицей. «Скелет» постоянно промокивал их грязным, слипшимся в комок платком. Одет он был в лёгкую, не по погоде курточку, очевидно, другой одежды у нарика просто не было. Пальцы ходили ходуном, он с трудом отсчитывал купюры.

– Ты хоть трубку сам набьёшь? – усмехнулся Толстяк, увидев такую картину.

– Не бойсь, командир, набью... – проскрипел тот. – Давай скорее...

В глазах наркомана читалась такая смертная тоска, что Антону на миг показалось – легче пустить парню пулю в лоб, чем продавать ему возможность мучиться дальше. Вит говорил, зелье действует около шести часов, а потом со своих горних высей человек валится в бездну страдания и вновь бежит искать «чёс». Жизнь от трубки до трубки.

Однако день ото дня желающих покурить не становилось меньше, напротив, их прибывало. Несколько первых трубочек оставляли восхитительные воспоминания, проблемы начнутся позже. Наркотик затягивал в свои сети медленно, но неотвратно. И Антон, глядя на весёлых, розовощёких девушек и ребят, невольно вспоминал «скелета», понимая, что через время вся эта счастливая, беззаботная молодёжь превратится в ходячих мертвецов. От таких мыслей становилось тошно.

Ещё хуже стало, когда Толстяк повёл его к гимназии. Здесь травку покупали старшеклассники, сверстники Антона. Травить пацанов не хотелось совершенно, но Вит знал, как подойти, завязать разговор. Находил слова, уговаривал попробовать. Давал первый раз покурить бесплатно – и всё, жертва уже бьётся в ловко расставленных сетях. Ант начал серьёзно задумываться, как уйти из банды. А что? Он молод, здоров, всегда найдёт себе применение. Дубостан велик – поди, найди его в трущобах на другом конце города! Вот только жизнь сама всё расставила по местам.

Уже больше месяца «багровые» торговали «чёсом». Кирк держал слово, жандармы их не трогали. А вот люди Торопыги появлялись. Поначалу они издали, не вмешиваясь, наблюдали за конкурентами, но потом к Багровому пришёл человек от Макса. Для разговора отошли в сторону, однако скоро объяснения приняли столь бурный характер, что дело чуть не дошло до драки. Человек ушёл, выкрикивая ругательства, а Кирк вернулся к своим злой, как чёрт.

– А вот им всем! – выкрикнул он, сделав при этом соответствующий жест. – Товар нам дают, значит, будем продавать! И пусть этот Торопыга хоть застрелится! – Но потом продолжил спокойнее: – Братья, завтра будет большая партия. Только помните, люди Макса недовольны, от них сейчас можно ждать любой подляны. Поэтому пойдём в парк все – две тройки и двойка. Всем быть с оружием. Далеко не расходитесь, чтобы видели друг друга и в случае чего помогли. Товар я принесу прямо на место и присоединюсь к двойке. По возможности быстро реализуем. Нам нужно доказать, парни, что мы в этом деле люди не случайные, можем торговать лучше босяков Торопыги Макса. И тогда каждый из нас будет купаться в золоте...

Собрались в парке ближе к вечеру, когда количество гуляющей молодёжи достигает пика. Ант объединился с Витом и Тягачом. Они стали на центральной аллее, вторая тройка расположилась ближе к катку, а пара – у аттракционов. И тех, и других Антон видел отлично. Толстяк нервно покручивал свою гирику, укоротив ход цепочки до минимума, а Тягач показал из-под полы обрез армейской магазинной винтовки – семь патронов, семь смертельно опасных шершней, готовых вырваться из короткого ствола при лёгком нажатии на спуск.

Ант знал, остальные бойцы тоже вооружены – кастетами, обрезками шлангов со свинцовыми шариками внутри, ножами. Обрез Тягача удивил и озаботил его. Воевать собрался, что ли? Однако парни выглядели так, будто намечалась обычная очередная потасовка. Словно узнали, что на родной район зашли чужие дерзай, и готовы размяться со всей молодецкой удалью.

Время шло, Багровый не показывался. В то же время Вит высмотрел парочку возможных клиентов:

– Ну, где ж дурь? Уже торговали бы...

Вместо клиентов появились «торопыги». Группа в чёрных плащах с капюшонами, руки в карманах, они быстрым шагом приближались по аллее. Было что-то зловещее в этих фигурах, и ничто не напоминало прелюдию к обычной уличной драке. Трое свернули к аттракционам. Пятеро продолжали шагать прямо на Антона с товарищами. Когда дистанция сократилась до десятка метров, «торопыги» начали вытаскивать руки из карманов.

Вит лихорадочно раскручивал цепь своего оружия, Ант дёрнулся к ножу, Тягач приподнял полу бушлата, и в этот момент захлопали выстрелы. У всех нападающих были в руках револьверы. Пули засвистели над головой Антона. Тягач рухнул, обрез выскользнул из ослабевшей руки в снег. Вита ужалило в бок, он закружился волчком. На аллее шарахнулись случайные прохожие, кто-то пронзительно завизжал, но пальба не прекращалась. Вздрагивало под ударами пуль тело Тягача, Толстяк согнулся пополам, его повело в бок, а следом он рухнул ничком. Но в него продолжали стрелять...

Антон видел всё это будто со стороны, словно не стоял между поделщиками, по которым вели убийственный огонь. А дерзай Макса продолжали исступлённо разряжать барабаны в Толстяка и Тягача, совершенно не обращая внимания на третью мишень. Выстрелам на аллее откликнулись хлопки у аттракционов, там тоже расстреливали «багровых». Антон точно знал, ни у кого из них не было огнестрелов. Значит, убивали своих!..

Патроны у «торопыг» закончились. Они начали деловито перезаряжаться, револьверы дымились. Двое, размахивая оружием, метнулись к ледовому катку. Антон стоял истуканом посреди опустевшей аллеи, но противники не видели его в нескольких шагах! Блуждали взглядами по парку, один, повыше ростом, зло сказал что-то, Ант не расслышал, что. Да и не до того было, не до разговоров. Раньше он не пользовался огнестрельным оружием, но отец когда-то показывал, как стрелять из дробовика. Да и что такое винтовка, тоже знал. Не мальчик.

Нагнулся, подхватил обрез. Мелькнула мысль о предохранителе, но искать его сейчас не было времени. Помоги Святой Николас! – вскинул ствол в сторону ближнего «капюшона» и нажал на спуск. Выстрел прозвучал оглушительно, заложило уши. Из ствола полыхнул рыжий сноп огня. Винтовочная пуля, пущенная с короткой дистанции, сбила дерзая с ног, тот даже не пискнул. Умер, не успев понять, что же произошло.

Остальные отпрянули, заозирались. Антон машинально переступил немного в сторону, передёрнул затвор. И выстрелил во второго. Рука дрогнула – промах! Тут только «торопыги» вскинули револьверы и принялись палить... туда, где мигом раньше стоял Антон! Пули взрывали снег, свистели совсем рядом, но не причиняли Антону ни малейшего вреда. Он успокоился, навёл оружие точно, и вторая фигура полетела в снег...

Тут только оставшийся дерзай увидел того, кто по ним стреляет. Глаза парня полезли на лоб, рот распахнулся, готовый вытолкнуть крик отчаяния и ужаса, но Ант уже нажал на спуск. Передёрнул затвор и выстрелил ещё раз, уже в лежащего на снегу врага. И тут почувствовал жжение в груди. Охлопал ладонью одежду – сухо, крови нет. Но ведь жжёт! Рванул ворот полушубка, оттянул рубаху. Мамин амулет, с которым он не расставался все эти месяцы, жёг кожу. Камешек мерцал потаённым, чарующим светом, а кружок металла, в который он был впаян, ощутимо нагрелся. Ладно, с этим разберёмся потом...

Пять патронов израсходовано, осталось два. Антон поразился себе – голова пустая и холодная, руки не дрожат, будто всю жизнь отстреливался от превосходящих сил противника. Однако дело не окончено, а всё нужно доводить до конца. Подошёл к тому, которого свалил первым. Этот не успел выстрелить ни разу, барабан должен быть полным. Кирк показывал свой револьвер Антону, объяснял, как пользоваться. Поднял оружие, убедился – так и есть, шесть патронов. И отправился к катку.

Он перестрелял их всех: и тех двоих, кто убивали «багровых» у катка, и тех, кто открыл стрельбу у аттракционов. Они не видели мстителя, не чувствовали опасности, а Клещ менял пустые револьверы на заряженные и всаживал в дерзав пулю за пулей. В упор. Лишь слегка переступая после каждого выстрела. Потом сбросил оружие и пошёл из парка до ближайшего ресторанчика, который – он знал – не закрывается до утра.

Кирк Багровый с дурью так и не появился. Зато наутро, когда Антон успел и напиться вдрызг, и выспаться, уронив голову на стол, и вывалился, наконец, из прокуренного зала на свежий морозный воздух, первое что он увидел на ближайшем столбе было: «Разыскивается особо опасный преступник! Приметы... Сообщивший о месте пребывания получит награду... При задержании преступник может применить оружие, следует соблюдать крайнюю осторожность!». И свой рисованный портрет внизу листка.

А на другой стороне улицы, над аркой взывал плакат: «Записывайся добровольцем в Колониальный корпус! Денежные премии, полное обеспечение, работа для крутых мужиков! Кто хлебнул романтики дальних походов, тот узнал, что такое настоящая жизнь!». Под плакатом белой краской была намалёвана стрелка, указывающая направление к вербовочному пункту.

В давние времена смелый мореплаватель Берг Солёный – пират и исследователь, – открыл архипелаг островов и неширокую полоску суши далеко на востоке. И водрузил там флаг – тогда ещё Королевства Даирии. Позднее, в республиканские времена, Поморье получило статус протектората, но сути дела это не меняло. Колонию отделяли от метрополии огромные территории, почти сплошь заросшие тайгой и принадлежавшие империи Цизе. Но там, на краю земли добывали золото, алмазы и руды редких металлов. Поморье постоянно сотрясали восстания и мятежи, но отказываться от лакомого куса Даирия не собиралась. «Восточная проблема», как говаривал кузнец Трей.

Антон тряхнул головой и пошёл через дорогу, в арку...

Глава 4

Автобуса пришлось ждать не сорок минут, а час с гаком. За это время Антон разговаривал одного из мужиков. Слово за слово, постепенно к беседе присоединились ещё несколько человек. Интересные вещи услышал скиталец про свой родной город. И не только он. Многие приехали из Дубостана впервые, слушали, открыв рот.

Оказалось, что устроится на кирпичный завод формовщиком или к печи обжига не трудно, но платят там гроши. Другое дело карьер, там вольнонаёмный может сейчас заработать очень неплохо. Но копачи уже не нужны, добывают глинозём техникой. Бульдозеры, экскаваторы. Видели, на грузовой платформе везли? Во-во. Берут водителей каров, лебёдочников, бригадиров. Квалифицированных рабочих. Да и то не всех, ведётся строгий отбор.

Ты тоже на карьер собрался, спросили? Ант ответил неопределённо, мол, может быть. А комиссию в Дубостане проходил, спросили, подписку давал? Нет? Тогда и не мечтай, парень. Что за подписка? Так о том, что о работе своей за пределами карьера никому ни слова не скажешь. Ага, а ты думал...

Началось всё года через три после бегства Антона. Странные вещи стали происходить в карьере. Однажды один ловкач задумал дать двойную норму. Денег хотел заработать, к свадьбе готовился. Смена кончилась, рабочие на выход потянулись, а он остался. Разжёл костёр, и давай лопатой махать. Рассчитывал так – утром бригадир придёт, он и предъявит свои кубометры. Об этом позже рассказывал дружок, которого копач в планы свои посвятил, ну, чтоб свидетель утром был. На всякий случай.

Да видно ночью умаялся хитрец. Накопал кучу грунта, – а глинозём на дне карьера мягкий, не то, что наверху, – и прилёг отдохнуть. Да и уснул. Утром приходит бригада, а на куче спит старик. Борода длинная, седая. Одежда как у копачей, но ветхая совсем, пальцем тронешь – сыпется в труху. И насили в этом старике признали давешнего парня. Он и сам назвался, до что толку. Вошёл в карьер молодым, а вывели под руки дряхлого старика. Ещё жениться собирался...

Потом начали пропадать люди. Был человек, и нет. Нигде нет – ни в карьере, ни на Бараках, вообще в городе не найти. Только память о копаче осталась, а самого – нет. Да ещё семья – жена, детишки. Куда им теперь?

Случались такие странности редко, и поначалу на это не очень обращали внимание. Пропадавшие могли элементарно сбежать, мало ли, что в головах у этих парней творилось. Народ в Идиллию приезжал известно какой – бедовый. Надоело всё, вот и подался в бега. Про молодца, что стариком стал, посудачили, да и забывать начали. Необъяснимый факт природы, сказал мастер. Когда произошёл ещё случай.

Как-то по нерасторопности толкачей столкнулись три вагонетки, да так хитро столкнулись, что две перевернулись. Грунт из одной на другую высыпался, и очутилась она в большой куче глинозёма. Та, что пустой оказалась, так рядом на боку и валяется, а третью чуть в сторону отбросило. И тут все увидели, как вагонетка, что в кучу грунта попала, на глазах стареет. Металл ржавчиной покрывается, древесные прокладки трухой сыплются, борта отходят. Будто вагонетке этой лет пятьдесят, а то и все сто.

Та, что на боку лежала, тоже... как-то... Ну, ведь новенькая толкалка была, второй день как в карьер запустили, а тут – колёса разболтаны, словно перевезли на ней уже тонны грунта, краска облупилась, ржа тоже кое-где появилась. Вот сравнить её с вагонеткой, что пятый год глину возит – точь-в-точь.

И только третья целёхонька, как была, так и осталась.

Тут народ и побежал из карьера. Отказываемся лезть в яму, и всё тут. Ну и конечно, завод без глины стал. Из чего кирпичи лепить? Вначале мастера ходили, народ уговаривали. Потом

сам господин Фоль выступал, мол, об этих необъяснимых явлениях сообщено в Дубостан, а оттуда – в блистательную Ксению. Дескать, приедут знающие люди, во всём разберутся и всё исправят.

Рассказ вёл пожилой мужик с натруженными руками. Про себя сказал, что сам из беглых. В том смысле, что когда вся эта чертовщина началась, он с завода ушёл. Даже в Дубостан подался. Но вот уже второй раз контракт заключает – деньги нужны, дочку замуж выдавать собрался. Если б не это, десять раз подумал бы, связываться с карьером или нет. Водители каров и лебёdochники на его глазах пропадали. Вот только что был человек, и – хлоп! – нету. За риск-то и платят.

Откуда кары? Так после приезда этих самых специалистов всё и началось. Вначале карьер закрыли. Лазали там только учёные с какими-то приборами. Потом закрытой зоной объявили, но сначала только юго-западную часть. Колючку поставили и посты. И сразу после этого начали строить Комбинат.

Стройка шла рядом с Полисом. Одновременно воздвигали ограду, высоченный бетонный забор, не просто так. Да ещё колючка поверху. Но в начале, люди говорят, в зазоры между плит недостроенного ограждения видели, как закладывают цеха, большие ангары, устанавливают громадные кубы сепараторов. Отдельно строили многоэтажный центр для учёных, его верхушку и сейчас далеко видно. А скоро на Центральной площади, возле Жандармерии, открыли рекрутскую контору Горнодобывающего комбината «Предвестник», который все быстро начали кликать просто Комбинатом.

В той конторе взялись вербовать рабочих в карьер, но на особых условиях. Нужно было знать горную технику, требовались строители и прокладчики. Оказывается, в карьере планировалось построить сеть узкоколеек, по которым дизельные кары будут таскать целые составы из вагонеток. Поставить подъёмники, которые будут подавать добытый глинозём в обогащательные цеха. Знающие люди вмиг определили, что добыча увеличится многократно. Но для чего? Уж не для кирпича, это точно. Кирпичный завод еле дышал, вновь начав выработку в северо-восточной, меньшей части котлована.

Много слухов ходило по этому поводу. Болтали, что теперь будут мыть из глины золото или драгоценные камни. Но эту догадку быстро отбросили. Среди копачей встречались опытные старатели, те сразу заявили – никакого золота здесь быть не может. Говорили ещё невесть что, пока не прозвучало название «тартар». Вот из-за этого-де загадочного минерала весь сыр-бор.

Что за тартар такой, никто не знал, но якобы с ним связаны были те неприятные странности, случавшиеся в карьере. Зачем он нужен, народ тоже не понимал, но чиновники в конторе убеждали, что, мол, всё теперь будет по-другому. Риск неприятных сюрпризов, дескать, сведён до минимума, зато оплату обещали такую!.. У работяг аж голова закружилась. Тут же предлагали желающим поступать на курсы водителей и прокладчиков.

Основная часть бывших копачей не торопились вновь спускаться в карьер. Но и смельчаки находились, или просто жадные люди. Постепенно работники набирались. А скоро вышел указ – считать тартар стратегическим сырьём. Отбор ещё более ужесточился, в карьер теперь привозили квалифицированных рабочих из Дубостана. По сути, понял Антон, первые партии лишь проложили узкоколейки и построили подъёмники. Дальше глинозём стали выгребать в огромных количествах и сразу размывать в поисках тартара, как рассказывал инженер в поезде. А с рабочих брали подписки о неразглашении.

Появился тяжело пыхтящий автобус, старый, разъезженный рыдван. Работяги споро поднялись, подхватили свои мешки, поспешили на посадку. Беседа прервалась. Да, всё интереснее и интереснее. Какие ещё неожиданности приберегла ты, малая родина?

Тартар, талисманы, сунгские шаманы... Комбинат... Что там ещё впереди?

Дорога, хорошо укатанная грунтовка, шла параллельно железнодорожной ветке, проложенной от станции до Комбината. По ней гоняют грузовые платформы, подумал Антон. Кирпич, оборудование для цехов, ещё что-то... Тартар? Что ж это за невидаль такая, что перевернула жизнь в Идиллии? Идиллия. И каким же извращённым чувством юмора должен был обладать чиновник, назвавший так дикий уголок, куда согнали бедняков, неудачников и преступников?..

За окнами ничего интересного не наблюдалось: с обеих сторон степь с пожухлыми травами. Солнце, жара, марево на горизонте. В пыльном салоне тоже притихли. Наверное, каждый будущий рабочий карьера сейчас размышлял – не совершает ли он ошибку? Задавал себе один и тот же вопрос – не потеряет ли больше, чем приобретёт?

Неожиданно вдалеке показалась серая полоса ограждения, того самого бетонного забора, о котором рассказывал бывалый работяга, над ним просматривались очертания строений. Верхушки гигантские кубов из блестящего металла, плоские крыши, трубопроводы. И совершенно неуместно среди нагромождения технических сооружений смотрелось высотное здание. Построенное в строгом функционалом стиле, оно, тем не менее, казалось светлым и лёгким, будто устремлённым в выгоревшее небо. Бликовали стёкла широких окон.

Комбинат! – послышалось с разных сторон. Кто-то более опытный взялся пояснить: вон, верхушки кубов торчат – сепараторы. Рядом обогатительные цеха, мастерские, дирекция. Ну а длинный палец, уткнувшийся в небосклон – исследовательский центр с лабораториями. Там, дескать, высоколбые колдуют над частичками тартара.

Антон некоторым образом удивлялся этим людям. Ясно же, что загадочный минерал воздействует на человека, и далеко не лучшим образом. А всё равно едут. Даже конкурс выдержали, доказали, так сказать, что достойны работать в этой чёртовой яме. Чего только не делает человек ради денег?

– Мужики! – неожиданно для себя крикнул он. – А никто не боится, что с ним на карьере может приключиться... что-нибудь эдакое? Нехорошее что-нибудь? Или если администрация пообещала, так все этому и поверили? Может, там и сегодня люди пропадают?

– А кто ж тебе скажет, милоч? Все ж подписки дают, мол, что делал за стенкой, что видел – никому ни гу-гу. А денежки-то нужны...

Действительно, высокая ограда, навскидку – метров пять. И поверху колючая проволока. Прямо режимный объект.

Дорога поползла вдоль этого забора. Скоро железнодорожная ветка закончилась дебаркадером. От него шла накатанная дорога к проходной с широкими воротами. Здесь, наверное, сгрузят бульдозер с экскаватором, подумал Ант. А может, разгрузят и те укутанные брезентом платформы. Хотя абрис угловатого механизма на одной из них почему-то не вязался со строительной техникой. И даже показался отдалённо знакомым, этот абрис... Ну да чёрт с ним. Ему-то какое дело? Может, просто установили на платформе крупные контейнеры с чем-либо полезным...

Автобус пылил дальше, повторяя повороты забора. Проходные больше не попадались, зато скоро вырулили к кирпичному заводу. Здесь тоже был заборчик, но поменьше. Поверх него можно было рассмотреть штабеля формовочных поддонов, заполненных глиной. Дымили трубы печей обжига. Ворота у проходной распахнуты, стало видно, как суетятся рабочие, бегают с блокнотами мастера. Начинались места его детства.

Проезжая мимо Полиса, Антон отметил, что его кирпичная оградка, как и заборчик вокруг завода, смотрятся карликовыми в сравнении с гигантским бетонным валом, окружающим Комбинат. И вообще, Полис теперь отделён от Идиллии лишь условно. Проходная сохранилась, но вот усатого дядьки с револьвером на боку уже нет. Не нужен больше охранник. И ворот нет, вместо них арка – проезжай, кто хочет.

И всё как-то поблёкло, потеряло тот грандиозный и завораживающий вид, какой запомнился Антону. Или это он вырос и много чего повидал? Или завод со своим жалким уголком благополучия состарился и поник. Да, когда деревья были большими...

В автобусе болтали, что в тяжёлые времена многие инженеры и управленцы уезжали отсюда, продавая дома за бесценок. Теперь в Полисе мог жить владелец мясной лавки с Рынка или зажиточный фермер, оставивший уголья под присмотром сыновей. Люди состоятельные, слов нет, но пропало чувств, будто тут обитают небожители. Похоже, все они переселились за бетонный забор Комбината.

Справа виднелся котлован. Он непомерно разросся. Сейчас Ант находился в восточной части этой гигантской язвы на теле земли. Северный край едва проглядывал сквозь вечную муть пыли, поднимающейся со дна, а юго-западный и вовсе терялся в этой дымке. Только слышно было, как в глубине отдалённо рокочут мощные механизмы. Так и ехали по-над котлованом до самой Идиллии. Расстояния здесь было километра три. Навстречу попался грузовик с открытым кузовом. В кузов набились люди, как семечки в подсолнухе – на завод везли смену рабочих.

Въехать в город автобус должен был со стороны Бараков. И здесь Антона подстерегала первая неожиданность. Никаких приземистых бревенчатых построек, давших название району и служивших для Анта символом детства, не оказалось. Вместо них рядами, с соблюдением планировки, выстроились типовые кирпичные трёхэтажки. Общежития для рабочих Комбината. Десятки одинаковых зданий напоминали солдат, построившихся на плацу.

Людей почти не было видно. Всё верно, мужчины на работе. Вон женщина вешает бельё на верёвку, натянутую между двух столбов. Мальчишка лет восьми играет с собакой, то дразнит пса, заставляя гоняться за собой, то затевает с ним шуточную борьбу. Обоим весело. Торопливой походкой прошёл мужик в рабочем комбинезоне, явно куда-то опаздывает. Всё прилично, благообразно, и совершенно не похоже на Бараки, тот район, что был здесь когда-то. Спрашивается, и где теперь искать семью?

Почему-то Антону казалось, что стоит по приезду найти свой барак, подняться в тесную комнатку, и он тут же обнимет отца, потреплет по плечу Марка. Сколько ему сейчас, двадцать два? Мужчина. И тоже толкает тачку в карьере? Впрочем, там сейчас всё изменилось...

А Ева?! Барышня совсем! Малышкой такая ласковая была, доверчивая. Сейчас наверно красавица. Может, и замуж уже отдала? Хотя девушек с примесью крови сунгов в жилах не всякий и возьмёт.

Теперь всё оказалось не так. Нет бараков, может, нет и тех людей, которых он знал когда-то. Хотя это вряд ли, думал Антон, кто-то же должен остаться. Кого-нибудь он найдёт обязательно.

Автобус затормозил, водитель рычагом открыл дверцу. Работяги споро повалили из салона и сразу направились к солидному зданию с вывеской: «Отделение горнодобывающего комбината «Предвестник». Оформление на работу». Ну правильно, этим туда. А вот Антону куда?

Центральная площадь мало изменилась. Громоздилось здание Муниципалитета, будто не прошло столько лет. Видно, подновляют обиталище власти, подкрашивают и ремонтируют ежегодно. И Жандармерия на месте, и храм Святого Николаса. Только больше стало магазинов и кафе. Айсбергом среди них смотрелся застеклённый, сияющий ресторан «Хрустальный звон», мечта его детства. Ах, как хотелось пацаном попасть в это оазис роскоши и деликатесов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.